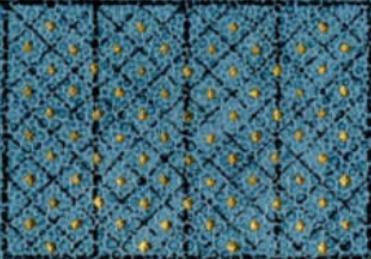
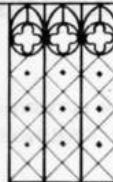




ТРИСТАН ЦОРБЬЕР



ТРИСТАН ҚОРЬЕР



СТИХИ

*Перевод с французского
М. Кудинова*



МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

ББК 84.4Фρ
К66

TRISTAN CORBIERE

Составление и вступительная статья
М. КУДИНОВА

Художник
В. ЮРЛОВ

Оформление
Ю. БОЯРСКОГО

© Состав, переводы, вступительная статья, оформление.
Издательство «Художественная литература», 1986 г.

К 4703000000-157
028(01)-86 141-86

-89

О ТРИСТАНЕ КОРБЬЕРЕ

«Старшим братом Артура Рембо» назвал его Поль Верлен, который первым открыл никому не ведомого поэта по имени Тристан Корбьеर. Правда, он тут же оговорился: «Старший — это не значит больший». По-видимому, Верлен считал их равными или почти равными по таланту, но когда он выступил в печати со своим открытием, это сравнение Корбьера с Рембо мало что говорило уму и сердцу читателя: Рембо в то время был известен только очень узкому кругу литераторов, его мировая слава была еще далеко впереди. Так же, как и слава Корбьера, который в наше время признан одним из крупнейших поэтов XIX века. Теперь во Франции его имя называют в одном ряду с такими именами, как Нерваль, Бодлер, Верлен и Рембо. Его творчеству посвящают обширные монографии (причем не только во Франции, но и за рубежом), а его единственная книга «Желтая любовь» постоянно переиздается.

Корбьеर умер в 1875 году. Небольшая книжка Верлена «Проклятые поэты», благодаря которой и был открыт Корбьеर, вышла почти через десять лет после его смерти и в первом издании состояла из трех очерков,

посвященных трем поэтам: Корбьеу (на первом месте), Рембо и Малларме. Выражение «проклятые поэты», впервые прозвучавшее в этой книге, получило впоследствии широкое распространение, и его стали сочетать (иногда без достаточного на то основания) с другими именами. Но у Верлена оно значило только одно: неизвестные или малоизвестные и вследствие этого непризнанные поэты — в этом смысле Корбье по праву занимал первое место.

«Желтая любовь» вышла в свет ничтожным тиражом в 1873 году, то есть за два года до смерти Корбьея, а второе издание появилось только в 1891 году. Корбьеем стали интересоваться, преимущественно в литературной среде, хотя отзывы о его творчестве были сдержаны и противоречивы. Фактически к широкому читателю новые переиздания книги дошли в двадцатые годы нашего века, то есть тогда же, когда по достоинству оценили поэзию Артура Рембо и Жерара де Нерваля.

Эдуар-Джакен Корбье родился в 1845 году в Бретани, недалеко от города Морле. Тристан — его литературное имя. Отец будущего поэта Эдуар-Антуан Корбье был незаурядной личностью и довольно известным литератором. В юности он служил в наполеоновском флоте, в 1812 году попал в плен к англичанам, в годы Реставрации, выйдя в отставку, основал в Бресте либеральный журнал, в котором выступал против правления Бурбонов. За нападки на правительство и церковь Эдуар-Антуан был посажен в тюрьму. По выходе на свободу его снова потянуло к морю — он стал капитаном торгового судна и шесть лет провел в дальних плаваниях. Его вольтерьянство и атеизм отлично уживались с духом авантюризма и предпримчивости. Расставшись с морем, он выпустил в свет несколько романов, лучшим из которых считается «Невольничье судно». Обосновавшись в Морле и заняв пост председателя торговой палаты, он в пятьдесят с лишним лет женился на восемнадцатилетней девушке, ставшей матерью его троих детей. Тристан Корбье был

его первенцем. Личность отца, его взгляды и морские романы, видимо, оказали на Корбье определенное влияние, о чем можно судить и по стихам поэта, и по тому посвящению, которое предпослано его книге: «Автору «Невольничего судна».

Детство Тристана Корбье прошло в обеспеченной и благополучной среде. Известно, что он рано стал увлекаться литературой и проявлял способности к рисованию. Родители определили его в лицей, но учение не было доведено до конца: Корбье заболел и вынужден был прервать занятия. Видимо, это была чахотка, осложненная суставным ревматизмом. Мать увезла его на юг, к Средиземному морю, но больному лучше не стало. По совету врача они вернулись в Бретань. Там, в нескольких километрах от Морле, на берегу океана, в поселке Роскоф у отца Корбьея был дом, где и поселился большой юноша.

Он мужественно боролся со своим недугом. Рухнула его давняя мечта стать моряком и увидеть дальние страны. Но в конце концов, несмотря на болезнь, он сумел приучить себя к одиноким морским прогулкам на подаренной ему отцом одномачтовой яхте, которую он окрестил «Невольничим судном». Длинный, худой, с необычайно бледным лицом, он вскоре превратился в местную достопримечательность. За глаза его стали называть «Ан Анку». На бretонском диалекте это значило: призрак смерти. Считая себя уродом, он всячески старался подчеркнуть свое безобразие и при случае смущал обывателей эксцентричными выходками. Но это была показная сторона его существования. Он много и жадно читал и внимательно приглядывался к жизни местных рыбаков и матросов. Он восхищался их мужеством и горячо сочувствовал их тяжелой доле. Личное несчастье как бы породило этого отпрыска состоятельной семьи с его обездоленными земляками. Поэзия для него из детского увлечения превращалась в подлинное призвание.

Известно, что у Корбьера были дружеские связи с молодыми художниками, наезжавшими в Роскоф из Парижа, и сам он был способным рисовальщиком. В конце 1869 года он с двумя своими приятелями-художниками совершил путешествие в Италию. Два года спустя Корбьеर познакомился в Роскофе с одной итальянской актрисой и полюбил ее. Через год он последовал за нею в Париж и поселился на Монмартре. Отношения с итальянской актрисой, которую в своих стихах он называл Марселлой, складывались для Корбьера мучительно: она была близка с другим человеком. Полный неуспех его книги, которую в 1873 году он издал за свой счет (вернее, за счет своего отца), кажется, не очень его обескуражил. Он продолжал работать и мечтал создать новую книгу. Приступ болезни прервал все его планы. Мать увезла его в Морле, где зимою 1875 года Корбьеर скончался.

Книга Корбьера «Желтая любовь» состоит из семи циклов, включающих в себя сто стихотворений. Первыми обратили на себя внимание стихи бретонского цикла и стихи из цикла «Люди моря». Корбьеर впервые ввел в обиход французской поэзии Бретань с ее дикой природой и мужественными людьми; а его моряки и обитатели приморья с их тяжелой работой, с их мыслями и страстями, впервые представали без романтического покрова в своей суровой будничности, в которой не оставалось места для экзотики. Но и «парижские» стихи Корбьера представляли собой нечто новое и необычное во французской поэзии. Впоследствии критики отказались от этого искусственного деления поэзии Корбьера, при котором его «бретонские» и «морские» стихи противопоставлялись «парижским».

У первых читателей Корбьера его поэзия скорее всего вызывала чувство раздражения: в семидесятые годы прошлого столетия в литературе были еще сильны традиции романтизма, а в поэзии господствовали поэты-

парнасцы, стихи которых отличались чеканной формой, описательностью и тягой к экзотике. Семидесятые годы были также отмечены зарождением и формированием символизма. На этом фоне книга Корбьера была похожа на вызов, на своеобразную «пощечину общественному вкусу».

Вместо чеканных строк, выдержаных в канонах классического стихосложения,—прерывистые, неровные ритмы, эллиптические фразы, нелитературные, чисто разговорные слова и выражения. Первое, что приходило в голову критику, воспитанному на романтических и парнасских традициях: поэт, не овладевший своим ремеслом. В порыве раздражения можно было и не заметить, что, когда поэт находил это нужным, из-под его пера выливались удивительно музыкальные строки, стихи, от начала до конца выдержанные в правилах классического стихосложения.

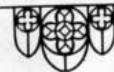
Таким образом, поэзия Корбьера была явным и полным разрывом и с романтической традицией, и с Парнасом, и со все еще модным «искусством для искусства». Если романтиков и парнасцев привлекали экзотика, далекие страны, красочность стилизованной истории, то Корбьеर — весь в современности, он пишет только о том, что видит и знает: о бедах и язвах Парижа, о людях своей родной Бретани, о моряках, бродягах, солдатах, которых он нисколько не приукрашивает и не поэтизирует. Придуманные романтическим воображением Италия и Испания, все эти серенады, гитары, благородные идальго и нежные сеньориты вызывают у поэта явительную насмешку. Он всегда стремится быть правдивым и часто бывает ироничен. Такова вся его поэзия. В нем странным образом сочетаются ирония и горький бретонский пафос.

Тристан Корбьеर — трудный поэт, если брать его творчество в целом, а не судить о нем по отдельно взятым стихотворениям из антологических изданий. У него есть и ненужные длинноты, и темные места, и строки,

рассчитанные на эпатаж буржуазного читателя. Уже в двадцатых годах нашего столетия один из его исследователей писал: «Сперва он сбивает с толку, даже отталкивает. К нему надо привыкнуть». Так и случилось: французский читатель привык к нему. И не только привык, но и полюбил. Сегодня его непочтительное обращение с правилами классического стихосложения никого не шокирует и не удивляет: теперь поэты и не то себе позволяют. Но наших современников не перестают волновать и трогать его мысли и чувства, его горечь и ирония, его демократизм и уважение к людям труда.

M. Кудинов

ИЗ КНИГИ
“ЖЕЛТАЯ ЛЮБОВЬ”



ЭТО. ЖЕЛТАЯ ЛЮБОВЬ. СЕРЕНАДА СЕРЕНАД.
СЛУЧАЙНОСТИ. АРМОР. ЛЮДИ МОРЯ.
РОНДЕЛИ НА ПОТОМ



ЭТО

ЭТО?

What?..¹

Шекспир

Попытка? — Полноте! Совсем я не пытался.
Наброски? — Ни на что из лени не бросался.
Издание? — Увы, не лезет в переплет.
Так, значит, рукопись? — Какой с нее доход!

Поэма? — Заложил в ломбард я вдохновенье.
Не книга ли? — Мерси, но книга — это чтенье.
Бумаги? — Боже мой, ведь это скреплено!
Альбом? — В единое никак не сведено.

¹ Что?.. (англ.)

Тут с рифмами игра? — Нет! Игры — это мелко.
Работа? — Не видна шлифовка и отделка.
Собранье песенок? — Добро бы, если так!
Забава? — Для меня все это не пустяк.

Стихи? — Нет гладкости! — Тогда,
по всем приметам,
Оригинальность вы преследуете? — Где там!
Едва почувствует, что гоняется за ней,
Как убегает прочь, и нет ее быстрей.

Быть может, просто шик? — Кто с ним
возится станет!
Полет? Падение? — Ни крыльев, ни стенаний.
То, что хотят прогнать? — Или отправить в дом
Терпимости.— В тюрьму? — Нет, речь здесь
не о том.

Не схоже с классикой? — Едва ли
по-французски.
Дилетантизм? — Ну нет, его одежды узки.
Старо? — До пенсии едва ли доживет.
Так, значит, молодо? — Что ж! С возрастом
пройдет.

— Но по наивности с бесстыдством ЭТО схоже.
— И ЭТО есть иль нет, ничто — иль нечто
все же.
Шедевр? — Возможно: я... шедевров не писал.
Почти как у Мюссе? А может быть, скандал?

— Нет, это... Впрочем, я как автор расписался
Под этим.— Но под чем? — Дать имя
не пытался.
Попало в цель иль нет — не по моей вине:
Ведь я искусству чужд. Искусство чуждо мне.

ПАРИЖ

* * *

Бастард бретонца и креолки,
Сюда явился он... Базар,
Столпотворенье, кривотолки,
Луч солнца тусклый и угар.

Смелее! Прихватив кошелки,
Сбежались в очередь... Удар...
Не лезь вперед! Рычат, как волки.
Потущен вспыхнувший пожар.

Здесь Муза бедная пришельца
Шла на панель. «Состряпать дельце
Согласна? Чем торгуешь ты?»

— Ничем...— И Муза ошалело
На ветер уличный глядела,
Не слыша звона пустоты.

* * *

Под щелканье хлыста здесь жить;
Кружить в фиакре; за решеткой
Кружить; бессмысленной трещоткой
Трещать... И голову сложить.

Нет, маленький! Чтоб не тужить,
Ты стань большим... С душою кроткой
Бедняк безвестный, надо плеткой
Безвестность и беду крушить.

Всех именем своим пугая,
Заставь любого попугая
Его воспеть иль освистать.

О, музыка! Вот рай, где скоры
На драку боги-сутенеры
И где для гурий — благодать.

* * *

И я любил... Как платят мало
Теперь за это! Сам плати...
Моя любимая сказала:
«Я буду помнить. Не грусти».

Она воспоминаньем стала
И тенью бледною в пути
За мною следует устало...
Ты здесь один... Слова плети,

Пой о тоске, что сердце точит,
О мраке, о бессонной ночи...
Грустят стихи, рассвет грустит.

А после: оргий хлыст, и надо
Себя хлестать им до упада
Являть продажной девки вид.

* * *

Здесь мир богемы... Выбрось, милый,
Из памяти свой край родной,
Его холмы, его могилы
И празднеств барабанный бой.

Сгубил ты молодость. Бескрылы
Твои мечты. Но хвост трубой
Держи. И плуй на все, что было,
На всех, кто был любим тобой.

Резвись! Ты на веселье падок.
Вино — на землю, в рот — осадок.
Гордись уловкою своей.

И пусть потом месье наивный
Об этом скажет: «Мерзко! Дивно!»
Или не скажет. Так ясней.

* * *

Смеешься? Что ж! Познай сомненье
И горечь... О насмешник, пей!
Стакан абсента! Губы в пене...
Нет, сердце настежь: так верней,

Посмертное произведенье
Из жизни сотвори своей.
Миазмы славы в опьяненье
Вдыхай, томись, любовь убей...

Ну что еще? Довольно бредней!
Уйди! С тобою друг последний —
Твой пистолет с пустым стволом.

Или останься. Будь в порядке.
И жизни допивай остатки
За необслуженным столом.

Бог знает чем был начинен,
Смесь из всего — и всё не в тон.

В нем нечто было — и ничто,
Богатство — но совсем не то,
Избыток силы — от бессилья,
Полет — и сломанные крылья,
Душа — не знавшая утех,
Любовь — но худшая из всех,
Успех? — Какой уж там успех!

Идеалист — без идеала,
Знал в рифмах толк — а толку мало,
Не приходя — уйти спешил,
Найдя — всегда потерян был.

Поэт — на зло своим стихам,
Артист — зачем не зная сам,
Философ — но по пустякам.

Чудак — чудил он поневоле,
Актер — своей не знал он роли,
Художник — на трубе играл,
Трубач — палитру в руки брал.

Разумник — не был он разумен,
Для дурня — слишком был безумен,
Хорош — в стихах своих плохих,
И тем верней, чем хуже стих.

Песчинкой был — и редкой птицей,
Мужчиной — и порой девицей,
На все способен — слаб во всем,
Плох в добром — не в ладах со злом;
Был блудным сыном, как в Писанье,

ЭПИТАФИЯ

Кроме влюбленных, начинаящих или конченных, которые желают начать с конца, есть множество всяких вещей, которые кончаются в самом начале и начало которых, пребывая в конце, начинает кончаться; и в конечном итоге влюбленные и прочие кончат тем, что начнут с начала, которое кончится тем, что станет концом (перевернутым) и начнет походить на вечность, не имеющую ни конца, ни начала, равно как начнет, в конечном итоге, походить на вращенье Земли, где кончится тем, что там перестанут уже различать, где начало конца и конец начала, что будет полным концом любого начала, равно как и полным началом любого конца бесконечности, определяемой с помощью неопределенности.— Равно как и эпитафий, равно как и вступительным словом и наоборот.

Мудрость наций

Он рвением был убит иль умер из-за лени.
Жил, умереть забыв... Был полон сожалений,
Что не себя сажал к себе он на колени.

Ни для чего на свет рожден,
Гоним был встречным ветром он,

Но не был вписан в завещанье;
Был смел — но пошлости страшась,
Нес чушь и оступался в грязь.

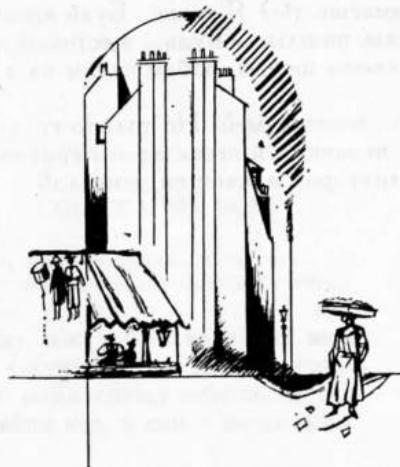
Завзятый колорист — без цвета,
Непонятый — все ждал ответа,
Пел в тон, не в тон, слезу ронял
И сам себя не понимал.

Никто — при всем своем упорстве,
Всегда естествен был в позерстве,
Был виноват — и неповинен,
Циничен был — и сверхнаивен,
Доверчив — веры был лишен,
Голодный — был пресыщен он.

Сырой — от слишком долгой варки,
Ни с чем не схожий, тускло-яркий,
Себя он скучой развлекал,
Спал днем, а по ночам не спал;
Он был не знавшим утешенья
Обломком кораблекрушенья.

Наедине с собой — тужил,
Трезв на пиру — был пьян на тризне;
Ни новосел, ни старожил,
Он ожидая смерти жил
И умер в ожиданье жизни.

Он погребен здесь... Он познал
Удачу полную — провал!



ЖЕЛТАЯ ЛЮБОВЬ

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО ЖЕНСКОГО РОДА

Извечность женская для вечного Жокриса!¹
Марионетки мы! Заставь же нас плясать!
За все мы платим здесь... Но позади кулисы.
Ты можешь плоть свою пожарнику отдать.

Над нашей головой, кудрявой или лысой,
Своих капризов хлыст вздымай или опять
Нам зубы покажи! От евнуха и крысы
В нас что-то есть... У нас есть полицейских рать.

¹ Доверчивый и глупый персонаж стариных фарсов.

Не понимаешь ты? Я тоже... Будь красивой!..
Мы пьяны, пошлы.— Будь... жестокой и спесивой
На зло своим пашам, рабам своим на зло.

А после... пасть сумей! Но только грациозно.
Чтоб не испачкался песок арены грозной.
Вот гладиаторов и женщин ремесло!

СОНЕТ СЭРУ БОБУ

*Псу легкомысленной женщины,
чистокровному английскому сеттеру*

Когда я вижу, пес, тебя с хозяйкой вместе
И ты к ней ластишься, я зарычать готов...
Причина? У меня, скажу тебе по чести,
Совсем хозяйки нет, и сам я не из псов.

О Боб, счастливый Боб! Да на твоем бы месте
Я выл от радости, ее услыша зов!
Но чистых ты кровей, а я из жалких бестий
С христианской примесью, наследием отцов.

Давай меняться, Боб! Я так обмен рисую:
Тебе — мои стихи, мне — шерсть твою густую,
Шерсть вместе с блохами или без них, чтоб стал

Я сэром Бобом вдруг... Она меня б ласкала,
Дворняг бросало б в дрожь от моего оскала,
И с именем Ее ошейник я б таскал.

НА ПАРОХОДЕ

Пассажирке

Как дым, растаяли, уплыли
И вечность, и морские мили,
Где провели вы день со мной,
Став мне сестрой.

Там: по воде, лишенной цвета,
Еще скользит твой образ где-то,
Здесь: берег, твой подводный риф,
Тоски прилив.

Здесь ждут тебя... Кто будет вскоре
Тебя баюкать, словно море?
О спутница моей души,
Иди! Спеши!

Какой там Менелай томится
На берегу? Пора проститься.
Но память о тебе волной
Бежит за мной.

Пугливая! Владеть не будет
Он легкой зыбью этой груди,
Ни солью на бровях твоих
От брызг морских.

О смелая! Владеть тобою
Не вправе он, клянусь прибоем,
Или владеть твоей тоской
Во мгле ночной;

Или поэзией, где птицей
Ты станешь надо мной кружиться,
Касаясь волн моих с трудом
Своим крылом.

Зверь беспредельный — даль морская
Пустынна без тебя, родная,
И весь мой горизонт теперь —
Каюты дверь.

Как тесно будет в этой норке,
В каюте на двоих, в каморке,
Где уж не будем мы опять
Вдвоем дремать.

Я вижу: солнце темным стало,
Уходит тень твоя устало,
И как забвенье предо мной
Зыбь за кормой.

Так о судьбе своей злосчастной,
На вахте стоя, в час ненастный
Горюет новичок-матрос
Без лишних слез.

УДАЧА

Odor della feminità¹.

По тротуарам я слоняюсь в день погожий,
Ищу прохожую, чей зонтик мог бы вдруг
Зрачок мой зацепить, проткнуть
на сердце кожу,
И чтобы это все не причиняло мук.

Доволен я? Почти. Но надо жить, дружище.
Чтоб голод обмануть, хмельного жаждет нищий.

В один прекрасный день — какое ремесло! —
Так я крейсировал. И вот мне повезло.
Смотрю: Она! Но кто? Прохожая! И кстати,
При зонтике... Я к ней. Слегка коснулся платья,
И тут она в ответ, явив свою красу,
Вдруг улыбнулась мне...

и подала два су.

УМИРАЮЩИЙ ЮНОША

(Фрагменты)

Весна... Мне б зелени немножко!
Забавно: те, чей близок час,
Всегда велят открыть окошко,
Весна влечет их всякий раз.

Весна... О, как хочу писать я!
Дай карандаш мне: он вполне
Заменит лиру. Ну и кстати,
С ним ярче солнце светит мне.

Поторопись! В минуты бреда
Я видел славу, что клюет
Из рук моих. Но мне победа
Нужна: день завтрашний не в счет.

Слегка приподними поэта,
Ты Музою его была,
Когда он пел; мерцаньем света,
Когда сгущалась смерти мгла.

Султанша, трубку принеси мне
Турецкую, чтоб мог опять
Ее узор я видеть синий.
И смейся! Хватит умирать.

¹ Запах женственности (ит.).

Ты к ложу подойди больного,
Смерть отгони, не дай ей взять
Ребенка хмурого, что снова
Проснулся и не хочет спать.

Не плачь же больше. Глупым был я.
На мне не саван — простыня...
И голос пустоты бескрылой
Поет в сознанье у меня.

На стену посмотри. Там сразу
Эскиз увидишь — твой портрет.
И по нему мой пьяный разум
Мои черты рисует вслед.

Мне лихорадка в мозг стучится,
Песнь колыбельная плывет:
«Я слышу, как поет лисица,
И слышу я, как волк поет».

Послушай, комнату с тобою
Мы снимем... Лампа над столом,
Кровать и чистые обои...
И все оплачено притом...

За город будем выбираться.
Удить. Бродить вдоль берегов.
Или «за родину сражаться»...
Лишь прикажи — на все готов.

Мы купим новые наряды,
Когда смогу я получить
За книгу гонорар. Но надо...
Работать надо, чтобы жить.

Поэзия есть жизнь. Уменье
Казаться. И страдать уметь
Во имя книги, чье рожденье
Медлительно...

Нет, умереть!

Принять твой поделуй прощальный
И, отряхая жизни прах,
Смерть встретить на твоих руках,
Меня баюкавших печально.

БЕССОННИЦА

Бессонница, о Зверь незримый!
Какой ты страстью одержима,
Чтоб с наслаждением взирать,
Как человек ломает руки,
Как извивается от муки,
Когда приходишь ты опять?

Скажи: зачем в ночи, из мрака
К нам выползать и, как собака,
В лицо лизать нас? Для чего,
Надежда или злое Лихо,
Ты с нами речь заводишь тихо,
Не говоря нам ничего?

Зачем махать пустою чашей
Над пересохшей глоткой нашей
И слушать гулкий стук сердец
Танталов, пленников химеры?
О, запах розы! Запах серы!
Роса!.. Расплавленный свинец!

Бессонница! Иль ты красива?
Зачем к нам девой похотливой
Придя, в объятьях нас сжимать?
Зачем хрипеть в лицо нам страстно,
Все ложе раскидать напрасно
И все же не ложиться спать?

Зачем твои нечисты ласки?
Зачем всегда ты в черной маске?
Чтоб сон навеять золотой?
Иль ты подобие влюбленной?
Вздох Мессалины утомленной,
Но отвергающей покой?

Иль Истерия ты, быть может?
Или шарманка, что корежит
Хвалу, пропетую богам?
Иль ты смычок, что нервы-струны
Скребет, когда литературный
Изгой им водит по стихам?

Бессонница! Или ослица
Ты буриданова? Иль птица
Из адской бездны? Жжет огнем
Твой поцелуй оледенелый...
Войди в мою берлогу смело
И вместе мы с тобой вздренем!

ТРУБКА ПОЭТА

Я трубка поэта. Мой долг
Дымиться, чтоб Зверь его смолк.

Когда приползают и мучат
Химеры, мой вьется дымок,
Чтоб видеть хозяин не мог
Вокруг себя лапы паучьи.

Дарю ему небо и тучи,
Пустынью и горные кручи,
— И тускло на них он глядит.

Дым гуще — и вот на мгновенье
Мелькают знакомые тени...
— Меня он грызет и молчит.

Клуб дыма еще — и готовы
Исчезнуть и жизнь и оковы.
...Я, кажется, гасну. Он спит.

Спи! Зверь твой утих, стал ручным.
Сплетай свои сны наугад!..
Бедняга! Всё — дым, говорят,
Коль правда, что всё — только дым.

ЖАБА

Звук песни в духоте ночной...
Металл, разбрзганный луной,
На листьях оставляет знаки.

Звук... Словно эхо, что живем
В земле погребено... Идем!
Смелее! Это там, во мраке.

— Ой, жаба! Прочь уйдем! — О нет!
Я рядом. Страх отбрось напрасный.
То соловей болот... — Ужасно!
Поэт бескрылый... — Ужас! Бред!

Бред? Почему, любовь моя?
Взгляни: в глазах у жабы пламень.
Нет, уползла она под камень:
Прощай... А жаба — это я.

ДУЭЛЬ ЦВЕТОВ

Я видел солнце, чьи лучи сверкали
Как сталь клинов. Я видел два клинка,
Сверкавших словно солнце. Блеск их стали
Глаза дроздов слепил издалека.

Вот, засучив рукав, месье не медля
Встал в позу... Белый, мне казался он
Цветком огромным. А цветок на стебле
Был розовым... Раздался шпаги звон.

Всё в красном цвете вижу: здесь дерутся.
Белы, как грудь Ее, цветы настурций.
Все желтые растоптаны цветы.

Упал на землю из моей петлицы
Цветок любви. Из раны кровь струится.
Живой цветок, смертельно ранен ты!

БЕДНЯГА

Он, что так громко мог насыщивать куплеты,
Со мною тихим был. Я знала, он искал
И выглядел глупцом, не находя ответа:
Он был в меня влюблен и сам того не знал.

Я мучила его и нравилось мне это,
А он в смятении смотрел на свой провал.
Нет, право, не легко играть с душой поэта!
Но я вела игру. Меня он забавлял.

Он умер. Впрочем, был таким смешным он
малым,
И роль свою всерьез, должно быть, принимал он,
Хотя при мне молчал... Он умер. Отчего?

Или поэзия была его могилой?
Сгубило ли вино, чахотка ли сгубила?
Или, быть может, я... А может, ничего?

ПАДЕНИЕ

Как был хорош собой! Как юность в нем
бурила!
Он жить спешил... Гоп-ля! И улыбался мило.
Как весело терял он голову порой!
Как часто уходил с поникшей головой!

В те дни он был Ничто... Но, ничего не знача, Тepерь он стал другим: пришла к нему Удача; Зато улыбка с губ исчезла у него: Он знает, чем платил и как достиг всего.

Он ожирел душой, привержен к низкой прозе,
В пальто укутанный, не мерзнет на морозе,
Верхами признанный, вознесся высоко;

И славою своей, как трауром, покрытый,
Идет он конченый, банальный, знаменитый...
Хоть вам он незнаком, узнать его легко.

спокойной ночи

И будете тогда вы, глупая болтунья,
Стучаться в зеркало, в осколок полнолуния,
Покрытый блестками, потухшими навек,
И в амальгаме вдруг возникнет человек.

Вы будете смотреть на это отраженье,
Лишенное тепла. Но в дни былых сражений,
Когда он весь пыпал, вам было все равно,
Вам, отраженной в том, чей свет померк давно.

Нет, не узнает он,— и это как расплата,—
Вас, возносимую им в небеса когда-то,
Когда он богом был... Теперь он стал другим.

Молитесь — для него мираж так мало значит.
Рыдайте — у него нет больше струн, что плачут.
Стихи его... Они написаны не им.

ЗАОЧНО ПРИГОВОРЕННЫЙ ПОЭТ (Фрагменты)

Старинный монастырь на берегу морском.
Он, словно мельница, пронизан сквозняком;
Осы приходят год из года
Глодать унылый плющ, ползущий по стенам,
Таким разрушенным, что уж не нужно там
В стене отыскивать прохода.

Одна, но сохранив величие свое,
С зубцами редкими, как челюсть у старухи,
С дырявой крышею, повиснувшей на ухе,
Тянулась башня ввысь, считая воронье.

Легенды прошлых лет она в себе хранила...
Теперь же здесь гнездо контрабандистов было,
Гнездо ночных бродяг, влюбленных школяров,
Лихих таможенников, крыс, бездомных псов.

К тому же в башенке с одним окном закрытым
Жил дикий и чудной поэт с крылом подбитым,
Средь старых сов он жил и совами был чтим,
Поскольку сам питал он уваженье к ним
И общее жилье оплачивал без спору:
В год двадцать пять экю, согласно договору.

Он местным жителям почти был незнаком.
Лишь в направлении окна его тайком
Бросали взгляд, храня молчанье.

Кюре подозревал, что прокаженный он.
Мэр говорил: «Ну как тут применить закон?
Он Некто... Или англичанин».

Но знали женщины (не от сycей ли знали?),
Что Музы некие в связи с ним состояли.
— Он, видно, еретик? — Нет, парижанин! Но
Не из Парижа сам. А впрочем, все одно:
Его не разберешь, он от людей таится,
Как эти, связанные с ним, его «девицы».

Он просто был фланёр, худой, высокий, бледный,
Отшельник-дилетант, ни для кого не вредный,
И нездоровый край любил всем сердцем он...
Давно был медиками он приговорен
И поселился здесь, найдя приют непрочный,
Чтоб умереть в тиши или чтоб жить заочно.

Почти художник и почти
Философ, он не ждал награды,
Страдал от солнца и прохлады,
Глухие выбирал пути.

Еще имел гамак, а также спаниеля
(Который спал весь день) под кличкою Фиделя,
Хотя был верным псом... Увы, еще верней
Была тоска, и он не расставался с ней.

Во сне он умирал, в мечтах он жил... Казалась
Мечта его волной, что в берег ударялась
Или откатывалась вспять.
По временам он ждал чего-то терпеливо,
Ждал неосознанно — прилива иль отлива?
Иль ту, которой нет? Как знать!

И разве сам он знал? В норе, где ветры бродят,
Не позабыл ли он, что мертвые уходят?
Он, привидением блуждавший по земле,
Не вздумал ли искать дух, скрывшийся во мгле?

— О! Та, кого зовешь, не далеко... Но светом
Не озарен твой лоб, не забывай об этом.
Коль можешь, притворись умершим, старина.
Исчезни... Ведь тебя оплакала Она.

Исчезнуть? Он не мог! К бессмертию
причастный,
Он разве не поэт, в чьей голове несчастной,
В чьих сдвинутых мозгах гекзаметры шуршат
И воплощенья ждут, сплетаясь наугад?

Лишен уменья жить, он век свой коротал;
Уменья умереть лишенный, он писал:

«Сто лун тому назад мелькнул я, дорогая,
В твоей возвышенной душе, в легенде мая.
Рифмую — значит, жив, не бойся за меня.
Пустая раковина — разве это я?
На ощупь пробую... Да, это я... Стремился
Я к небесам: ведь я высоко поселился!
Я говорил себе: к полету ты готов?
Да или нет? И вот во власти тех же слов».

«Простимся», — жизни я сказал при расставанье
С тобой... Ты плакала, внушая мне желанье
Остаться, чтоб себя оплакивать с тобой.
Все кончено теперь, я призрак, но дурной:
Не вся исчезла плоть — и тут не все в порядке...
Нет! В книге бытия я вроде опечатки!»

«Лишь стены голые вокруг, и на мгновенье
Твой профиль на стене нарисовали тени.
Я вздрогнул... Дан простор надеждам и мечтам...
— Сестрица Анна, что там с башни видно вам?»

— Да ничего! — А сам в холодной комнатушке
Я вижу лишь кровать и тощие подушки;
Я вижу, как мой пес — бедняга! — спит на ней,
И я смеюсь, чтоб грусть почувствовать сильней!».

«И чтоб тебя призвать, беру я лиру в руки:
Так сердце глупое свои скрывает муки...
Всплакни, коль от стихов моих тебе смешно,
Иди засмейся, если грустно,— все равно».

«Ну не забавно ли? Мы в нищету сыграем!
Известно, что шалаши подчас бывает раем...
Дождь за моим окном, дождь в сердце у меня.
Приди! Свечи мертвa, и больше нет огня».

Светало. Ночь прошла. Он распахнул оконце, Прочел свое письмо при тусклом свете солнца И, засмеясь, порвал... Как стая птиц кружась, Клочки бумаги вниз летели, прямо в грязь.



СЕРЕНАДА СЕРЕНАД

ГИТАРА

Могу свернуть влюбленность эту,
Как сигарету;
Взять блюдо — и в рулон свернуть,
Девиц — в обертку завернуть.

Не бойся верности унылой:
Я не двуногий, я двухкрылый;
Сова любви, исчезну я
При свете дня.

Психею знаешь? А Меркурий
Тебе знаком? В моей натуре
Все, что присуще было им.
Но я незрим.

Тебя перед зарей-невежей
Оставлю я такой же свежей,
Как в яслях Иисус-дитя...
Уродлив я!

Могу спалить, как сигарету,
Влюбленность эту,
Могу обертку я спалить,
Девиц на блюдо положить.

Не схожи с розой;
— Безмолвьявой...

И если в споре
Души моей море
Горит от горя,
— Жар ледяной...

ВЫЗВОЛЕНИЕ

Если гитара,
Чьи струны яро
Я рву,— о кара! —
Дикарский нож,

Орудье пытки,
Обманщик прыткий,
Уловок свитки
(Цена им грош)...

Если я в пенье
Тебе о значенье
Моих мучений
Сказать не смог...

Если сигара
Моя без угара
И нет в ней дара
Сбить тебя с ног...

Если угрозы,
Как смерч и грозы,

Пора домой!

КРЫША

Здесь под окном томиться
Мне до прихода дня
И ждать, чтоб черепица
Упала на меня.

Топчу газоны. Камень
Лижу... Темно в окне!
Сжигает жажды пламень
Все внутренности мне.

Пусть лопнут перепонки
В ушах твоих! Пусть громкий
Мой лопнет барабан!

Нет! За окном, как видно,
Спит просто безобидный...
Оглохший старикан.

ЧАСЫ

Бродяге — щедрость подаянья!
Злой взгляд — в ответ на злобный взгляд!
На нож убийцы — нож и яд!
Сегодня в сердце ад и нет в нем состраданья.

Я из Памплоны сумасшедший,
Мне страшен смех луны взошедшей,
Луны, надевшей черный креп...
Огни потушены. О ужас! Мир ослеп.

Я слышу, как в ночи скрежещут
И бьют часы: удар зловещий
Скатился в пустоту... Удар... Удар опять.

Четырнадцать их в ночь упало.
Слезами стало... Ты устало,
Ты плачешь, сердце... Пой! И перестань считать.

ДВЕРИ И ОКНА

Не слышишь разве? — Кровь и пенье! —
Ответь! Не то начну кричать.
Испытывать мое терпенье
Довольно! Сколько можно ждать!

И сколько можно муки ада
Испытывать! Ну где же ты?
Хоть знак подай мне... Нет, не надо:
Не видно из-за темноты.

Твой переулок — преисподня.
Дрожат все грешники в аду.
О незнакомка, я сегодня
Тебя найду иль не найду?

Я шлю проклятие алькаду.
Но нет его... Здесь только я.
И, распевая серенаду,
Могу я клясть... одну тебя.



СЛУЧАЙНОСТИ

АТУ ЕГО!

Я виселицу спешно
Оставил после всех
Повешенных успешно
За полный неуспех;
Оставил хвост лисице,
А пух и перья — птице.

Рога оставил черту,
Деревьям их листву,
Оставил море порту,
А небу синеву;
Вся прочая планета
Осталась тоже где-то.

Я замок мой воздушный
Оставил у реки,
У ног сирен бездушных
Оставил сапоги,
А шляпу с головою
За городской чертою.

Оставил облысевшим
Волос моих руно,
Терпенье — потерпевшим
И меч мой заодно,
Мой дом — под стражу взятым,
Любовницу — рогатым.

Привратнику — у двери,
Привратнику — жену,
Прыщи — невинной пери,
Виновному — вину,
Конторщику — контору,
Расписки — кредитору;

Везущему — везенье,
Мокриц моих — в тепле,
Столпам — столпотворенье,
Мой чахлый вид — в чехле.
Оставил я любимых
В корзинах, на картинах.

Мою кольчугу — дурням
Оставил, что стоят
По праздникам и будням
У входа в адский сад.
Везде, где быть не гоже,
Куски оставил кожи.

Оставил в их разгуле
Стихии, что стихи
Всё из меня тянули;
Оставил все грехи
У грешников, а карты
Оставил у азарта.

Оставил на свободе
Полицию гулять,
А лживое отродье
О правде толковать,
Судьбе незнанье правил
И бег ее оставил.

Впадающую в детство
Надежду без зубов
Безумию в наследство
Оставил; всех богов
Глухих к мольбе и плачу
Оставил к ней впридачу.

Оставил я в покое
Утративших покой,
Поэтам — их левкои,
Обжорам — стол пустой,
Оставил все, что славил,
И сам себя оставил.

Без крова и защиты
Гоним я жизнью был,
Покуда весь разбитый
В Ничто не угодил.
Все спуталось, смешалось,
Одно Ничто осталось.

МЫШКА-ЛОШАДЬ

Ни острых шпор, ни хворостины.
Их нет в помине. Почему?
Все это нужно для скотины,
А серой мышке ни к чему.

И нет стремян... Я лишь касаюсь
Тебя ногой. Влюблен я, каюсь...
Седла нет тоже у меня.
Носком ботинка понемножку
Дразню стремительную ножку,
Но помни: не наездник я.

Ура! Вокруг нас клубы пыли,
И две руки тебя обвили:
Я к гриве головой припал.
Ура! Кустарник замелькал.

Ура! Еще одна преграда,
И дальше мчишь меня — так надо.
Вперед! Паденье... Прямо в ров...
Все, дорогая: я готов.

МОЕМУ ПСУ ПО ИМЕНИ ПОУП, ДОГУ-ДЖЕНТЛЬМЕНУ ИЗ НЬЮ-ЛЕНДА, УМЕРШЕМУ ОТ ПУЛИ

Служить? Ты не слуга двуличный.
Лизать? Ты с девкою публичной
Не схож.— Философ ты циничный:
Быть псом, но чтоб никто при том
С тобой не вел себя как с псом.

Самим собою быть, не зная
Ни жалкой миски, ни хозяев,
На задних лапах не стоять,
Как люди: им не привыкать.

Любовь? Не хитрая наука:
Псы не страшны — опасна Сука.
Кусайся — и никто с тобой
Не будет связываться. В бой!

Урвал кусок — ура! Но если
Пришлось платить — плати, хоть тресни.
Увидел плетку — твердо стой.

Ты дик, шикарен, кровь под кожей
Чиста.— Рычи! Как вихрь носись!
А если взбесит кто — ну что же,
Бесись!

РАСТЕРЯННОСТЬ

Как истинный поэт, стихов он не имел.
Мертвец, он день любил и презирал стенанья.
Художник, он забыл искусство рисованья:
Все видеть — слепота. А видеть он умел.

Бесплодный фантазер, в мечту он погружался,
Но форму ей придать отнюдь не собирался,
Чтоб не раскрыть себя, не обнажить свой тыл.

Романа персонаж, он был влюблён в брюнетку,
Которая была блондинкой — что нередко
Он видел, но молчал: он слишком занят был.

Здесь, где так тяжек труд, искатель неуемный,
Он на трудяг взирал с высот души огромной,
И тех, кто хорошо трудился, он жалел.

Идеи рудокоп, свой лоб он скреб и темя,
Чтоб обнаружить прыщ или помочь проблеме
Прийти в движение. Такой уж был удел.

Он говорил не раз: «Бесплодна ваша Муза,
Дочь проституции и праздности она.
В семейном чреве ей не прдохнуть от груза
Производителя, чья взмылена спина.

О вы, кто портит все! О каменщики мысли!
Вы, прикоснувшись к Музе невзначай,

Едва пришел рассвет — и вы уже раскисли,
Но лжете простакам, что дали ей на чай.

Она царапалась, как тонущая кошка,
Вы рвали крылья ей, чтоб только обладать
Пером обломанным или урвать немножко
Волос, которые могли бы кистью стать».

Он говорил не раз: «О, детскость Океана!
Здесь ни поэтов, ни художников. Но странно,
Что кто-то рисовал и кто-то песни пел,
Пел и в палитру бил, как в кожу барабана,
И рисовал своей свирелью неустанно...
Искусство это?»

Он, под всхлипы урагана,
Свое тщеславие здесь утопить хотел.

РАПСОДИЯ ГЛУХОГО

*Посвящается мадам Д ****

Искуснейший хирург сказал ему: «Ну вот,
Я кончил: вы глухой. Прекрасно все идет!
Отныне слух у вас потерян навсегда...»
И он, не слыша слов, их понял без труда.

— Благодарю, месье, за то, что вы умело
Мой череп превратили вдруг
В подобье гроба: я... внимать уж буду смело
Тому, что говорят вокруг.

Глаза? Нет, берегись завистливого глаза,
Что заменяет слух. К чему тут рисковать?
В лицо высмеивать я глупость мог — и сразу
Она сама в лицо могла мне наплевать.

Теперь я манекен. И может завтра друг
На улице пожать мне руку, чтобы вдруг
При этом выпалить: болван! А я тотчас
Ему в ответ: «Мерси, не плохо. А у вас?»

Мне в ухо закричат — есть отчего взбеситься;
Молчат — не жалость ли? И днем и при луне
Я, словно в ребусе, стараюсь уцепиться
За слово... Нет, не то: забыли обо мне.

Или другой мотив: услужливый знакомый,
Губами шевеля (корова, луг зеленый),
Со мной заводит речь... Томлюсь я, но в конце
Киваю с глупою улыбкой на лице.

На душу мне надет колпак из шерсти серой!
И — бац ослиное копыто... Так, к примеру,
Старушка, что ведет страстям господним счет,
Мне может сострадать, пустив при этом в ход
И крики, и слону, и плач о жалкой доле...
Но я не отдавлю за это ей мозоли.

Как девственница глуп, как прокаженный горд,
Я есть, и нет меня... Вы скажете: «О черт!
Он кто? Развалина? В наморднике поэт?»
Пожатье плеч: «Глухой!» — вы слышите в ответ.

Тантал издерганный, Тантал, лишенный слуха,
Я вижу слов полет, но мне их не словить;
Я жалкий ротозей, в чей рот влетела муха,
Мишень, которую любой способен сбить.

О звуки райские: скребущий по тарелке
Осколок раковины! Пробка под ножом!
Куплеты, реплики, театральные поделки,
Живую пият кость, толкуют ли о чём —

Не слышу ничего... Могу бросать на ветер
Слова, не зная сам, что значит этот гул:
Санскрит иль кряканье? Как будто на кларнете
Не то отверстие дурной слепец заткнул.

Качайся, маятник хмельной, в моем сознанье!
Беснуйся, бей в тамтам, бей в треснувший котел,
Чтоб голос женщины напоминал звучанье
Эзвонка, стал куковать, звон мошкарь обрел.

О сердце, спать ложись и не маши крылами!
Пусть в фонаре глухом свечи потухнет пламя,
И пусть все будет в нем, вплоть
до беззвучных снов,
Тюремной камерой, закрытой на засов.

Кумир мой, для меня немою станьте смело,
Забудьте все слова, до них уж нет нам дела,
Вы будете молчать — ни слова я в ответ...
Ничто не затмнит беседы нашей свет.

Молчанье — золото.

(Святой Иоанн Златоуст)

БЛИЗНЕЦЫ

Забыты временем и оба одиноки,
Всегда вдвоем они гуляли. Диковат
И жалок был их вид. Бредя в людском потоке,
Они вперяли в вас невидящий свой взгляд.

Смешки им вслед неслись, на вороте их висли,—
Все вызывало смех, включая зонт большой;
Друг к другу жавшихся, почти лишенных мысли,
Я, право, их любил (и зонт их!) всей душой.

При жандармерии они служили прежде,
Сестра — стряпухою, он — под ружьем. И вот
Хотя без галунов, но в форменной одежде
Они по-прежнему ходили круглый год.

В воскресный майский день, сверкавший
красотою,
Когда небесный рай на землю нисходил,
Я по лесу бродил... один — нет, вместе с тою,
Которую тогда как воздух я любил.

К поляне вышли мы, и вдруг под сенью зыбкой
Зонта раскрытоого два старых близнеца
Сидят под деревом и светятся улыбкой,
И даже наш приход не стер ее с лица.

Облокотясь на сук, старик играл на дудке,
Сестра, чьих слабых рук не покидала дрожь,
С ним рядом слушала кузнечиков погудки,
Благословляя день за то, что так хорош.

Вам довелось встречать двуногое созданье,
Чей разум дремлющий от пошлости далек
И в чьих чертах душа видна, а не сознанье?
Вы видели собак, свернувшихся в клубок?

В них было это все. Вернулся в детство каждый,
И, за руки держась, шли к смерти, чтобы вновь
Быть вместе,— умереть, как родились однажды...
А у меня в душе была моя любовь.

Но та, кого любил, с кем мы в лесу гуляли,
Веселья жаждала... И, вызывая смех,
Я крикнул старикам: «Да вы из пасторали!»

И вот пишу о них, чтоб искупить свой грех.

ЛИТАНИЯ СНА

(Фрагменты)

Я сон перепилил!

Макбет

Вам, спящему с женой, похрапывая сладко,
Скажите, Жвачное, вам довелось украдкой
Вздыхать: о где ты, Сон? Вы видели, как в ночь
Полночной бабочкой он улетает прочь,
Не помахав крылом и оставляя вас
В безвыходном котле, в чьей крышке нету глаз?
Вам плавать довелось? Мысль — на море
волненье,

А ваша голова — валун в соленой пене;
И брал ли кто-нибудь вас на воздушный шар?
Так вот: бессонница все это! Как удар
Ногою... Странные дрожат пред вами свечи;
Архангел, Славы блеск, каких-то женщин плечи.
И в гаснущей ночи иль в предрассветный час
Вы просыпаетесь, хоть не сомкнули глаз.

*

Сон! Слушай голос мой: чуть слышен будет он.
Сон. Покрывало тех, кто был его лишен.

Паришь над бездною ты с Альбатросом бури
И на колпак ночной садишься, брови хмуря!

Сон! Тайный клапан дев, что с каждым днем
понурей!

Подушка девственниц, в которых столько дури!
Перина тех, кто днем в своей томится шкуре!
Мешок, где голову изгнаник прятет, жмуря!
Глаза потухшие! Сон! Сводник райских гурий!
Край, где дано слепцам увидеть лик лазури!
Поэта рифма! Стих, застрявший на цезуре!

Сон! Серый Оборотень! Черный призрак дыма!
На лапах бархатных Волк, пробежавший мимо!
Сон! Незнакомки Взор и Поцелуй Любимой!
Бродяга! Вор ночной! Немые жесты Мима!
Могильный аромат! Цветок неопалимый!
Карета Золушки для тех, кто прочь гонимы!
Святоши Духовник, скабрезный и незримый!

Ты, приползающий лизать страдальца раны,
Чью плоть пытала смерть под простынею рваной!
Прypadок стихнувший с его улыбкой странной!
Сон! Ветер утренний! Пролет окна туманный!

Жизнь до краев! Лоскут, что протирает снова
Тарелки бытия в замызганной столовой!
Дождь скуки из пространств, где уж ничто
не ново!
То, что всегда бежит — и ни следа, ни слова!
Проход через тупик! Над бездной мост готовый!

Сон! Призрачный корабль, плывущий в смутной
дали!

Хамелеон, чьих звезд еще не сосчитали!
Свиданье с женщиной, что не сняла вуали!
Сплели мне сеть свою, о сон, Паук печали!

*

Послушай, Жвачное с остекленевшим взглядом,
Ты, что сопиши всю ночь с женой своею рядом,
Ты знаешь или нет печальный этот вздох,
Вздох Пробуждения? — А небосвод оголох
Под гривой солнечной... — Ты видел пробужденье
Философа, чей вид внушает отвращенье?
Свиньи, бормочущей молитвы поутру?
Продажной женщины, забившейся в нору?
Ты слышал вой собак, разбуженных средь ночи?
Ты видел, как мятеж проснулся и рокочет?
Как просыпается больной, что обречен?
Как нищий трет глаза, как будто плачет он?
А слышал или нет ты жаворонка пенье?
Нет! Ты с трудом глаза продрал

при пробужденье,

Бессонницы не знал, когда уснуть не мог,
Неведом Сон тебе, о дремлющий Мешок!

(Разные кровати. Дневная ночь)

ПРЕРВАННАЯ ИДИЛЛИЯ

Апрель

Пришел рассвет... В парижском стиле
Смотреть, как проституток рать
Выходит из участка или
Из дома — воздухом дышать.

Куплет, что так игрив и жалок,
Фальшивый, хрипловатый звук,
Весь вылинявший полушалок,
Глаза с морщинками вокруг.

О камни трется бархат синий:
В разбитой обуви княгини,
Кокотки вышли поклевать
И «Добрый день» свой напевать.

Люблю смотреть на них, воздушных,
Что, в парикмахерских и в душных
Аптеках промелькнув на миг,
Бросают: «Как дела, старик?»

Люблю смотреть на них, увядших,
Шестнадцать им иль шестьдесят,
На девственниц всех этих падших,
Когда абсент они цедят.

А после за вино платящих,
Чтоб друга сердца угостить;
Он проходимец настоящий,
Он сутенер и любит пить...

Бульвар, от центра удаленный.
Там в кабачке, что в землю врос,
Сидят могильщики, в зеленый
Стакан уткнув свой сизый нос.

Воск вместо лиц, мелькают тени
Носов, изъеденных вконец;
Веселье — как при погребенье:
Всегда для смеха есть мертвец.

Босяк дроздом отвратным свищет,
И бойни признанный поэт
Жемчужину в навозе ищет,
А рядом с ним его сосед,

Художник-мусорщик; взрывают
Свиными рылами корма
Искусства своего и знают;
Куда ни ткнись, отбросов тьма.

Дымится фон, покрытый сажей,
Но золотят его лучи;
«Асфальт», — плохой художник скажет,
«Аккорд!» — воскликнут римфачи.

Прибавьте трубы: ввысь уходит,
Сливаясь с небом, их спираль...
А вас, кто это все находит
Неинтересным, — мне вас жаль.

Здесь нищих встретите немало
И богатеев без гроша...

Парижские провинциалы,
К ним не лежит у вас душа!

Огонь божественный клокочет
Под кожей. Чувствую опять,
Как что-то тронуть сердце хочет,
Но только что? К чему мне знать!

Больная Муза по ошибке
Проснулась и глядит скорбя...
Здесь даришь сам себе улыбки,
Жалеешь не других — себя.

Летайте, мошки и девицы!
Надежды ваши вор крадет.
Здесь каждый хочет отличиться,
Без крыльев совершил полет.

Прохвост насмешливый и грустный
На это как и я взирал.
Зачем? Художник ли искусный
В нем был сокрыт? Никто не знал.

Он все поглядывал на лица,
А я на ноги... Было б нам
Нелепо друг на друга злиться,
Деля добычу пополам.

Нет, никогда мой дух взроптивший
Не ополчал проклятий рой
На силуэт его, торчавший
Посередине мостовой.

Но мог ли я не удивиться,
Что бог его не позабыл?
Он, заглядевшись на девицу,
Раздавлен омнибусом был.

ПОХОРОНЫ БЕДНЯКА

Париж, 30 апреля 1873 г.
Улица Нотр-Дам-де-Лоретт.

Путь в гору... Тяжко... Ну-ка, разом!
— Брат, помоги. Совсем невмочь!
Какая улица! Точь-в-точь
Голгофа... Ум зашел за разум.

От церкви Нотр-Дам-Лоретта
И до кладбищенских ворот...
— Брат, ну еще! И вытри пот.
Ох, не по силам мне все это.

А дороги рвут на части душу...
Магнит их тянет под уклон!
И от подобных похорон
Смех госпожу Лоретту душит.

И блеск, и нищета! Кого-то
Коробит: что за странный вид!
На постаменте позолота
Сквозь дыры полога блестит.

И все же крут подъем. Привалы
Похожи больше на провал...
С небес низвергнувшись в подвал —
В искусстве так не раз бывало.

Да, друг! Приходится потеть
Тем, кто в работе слишком пылки.
Сперва полет, потом — носилки,
Жить нашим ремеслом — гореть.

И ты сгорел... Не будем строги.
— Эй, шевелись! Не мешкать здесь!

Привет вам, нищенские дороги
Художника, что выжат весь.

Ты мученик, и это званье
Как приговор; он оглашен
Был Рафаэлем и в молчанье
Ножом садовым был скреплен.

VEDER NAPOLI POI MORIR ¹

Неаполь видеть? Что ж! Я здесь. Глаза взирают
На этот синий фон, где намалеван рай.
И вот таможенники сразу возникают
Ультрамариновые... Рот не разевай!

Коринна! Вот они! И до чего речисты!
Раскрыт мой чемодан... «Оставь надежду»: в нем
Сигары... Возятся с бельем моим нечистым,
Чтоб подсинить его извечно синим днем.

«На лапу» требуют. А я весьма бездарно
Им лапы жму. Портрет возлюбленной моей
Пускают по рукам. Инспектор санитарный
Подмигивает мне: мол, не найти милей.

Лохмотья их воспеть приехал я, не зная,
Что в тряпку превращен немедля буду сам.
Какой-то тип, мне дочь родную предлагая,
Мои манишки мнет, смахнув иллюзий хлам.

Неаполь! Коробок синьоров лаццарони,
На солнце греющих живот.
Гляжу: один из них, как вшивый царь на троне,
Зевая, взгляд вперил в лазурный небосвод,

¹ Увидеть Неаполь и умереть (ит.).

О босоногие вельможи! Нет на свете
Нигде подобных вам! Во всей своей красе
Всегда достойны вы, о Гелиоса дети,
Презренья Байрона и песенок Мюссе.

Хор оперных бродяг! Любовью и лучами
Быть позолоченными ваше ремесло,
И ноздри раздувать, и поводить плечами...
И не поймешь, зачем меня к вам занесло.

Дольче фарньенте? Нет! То саквояж мой
бедный,
Плывет, как сдохший пес, средь мошек
и червей...
Растерзан чемодан... Какой здесь воздух
вредный!
«И все же вертится она...» О Галилей!

Остановись на миг, бездарная планета!
А проходимцев рать кишит со всех сторон.
При чем тут ящерицы? Нет! Пиявки это!
— Из лаццарони всех здесь самый лучший —
Сон.

ВЕЗУВИЙ И К°

«Помпей». Станция. Везувий, снова ты?
В Бретани малышом я знал тебя: в ту пору,
Когда зависело от веры сдвинуть гору,
На абажуре я узрел твои черты.

Чернея, проступал ты сквозь прозрачность фона,
От лампы кратер твой был пламенем объят;
Из Рима, говорят, привез во время оно
В дар бабушке моей тебя один прелат.

Позднее в Опере комической я снова
С тобою свиделся: была в «Последнем дне
Помпеи» роль тебе дана, но бесстолково
Играл ты, и провал заслужен был вполне.

И вновь мы встретились: с каминного экрана
В Марселе на меня глядел ты. Где же дым?
Где музыка? Смотри: ни труб, ни барабана!
Стал розовым твой фон, а сам ты — голубым.

Ты первым приходил ко мне неоднократно.
Я отдаю визит.— Вулкан? Весьма приятно...
И подлинный, коль я сто франков уплатил!

Но прежде на себя ты больше походил.

ЭТНА

Sicelides Musae, paulo majora canamus¹.
Вергилий

Я, Этна, лазил на Везувий.
Стал ниже он. По чьей вине?
К тому же наверху, внизу ли
В нем меньше жара, чем во мне.

Тебя же сравнивают с дамой.
За возраст? Или нрав упрямый?
За душу каменную? Но
Грохочешь ты: тебе смешно.

Ты злишься, кашляешь кроваво,
Плюясь любовью прежних дней;
Под раковым наростом лава
Колышется в груди твоей.

Давай поспим с тобою, что ли!
Бок о бок, чтоб забыть о боли.
Клянусь Венерой, для меня,
Так иль иначе, ты родня.

¹ Музы Сицилии, голос немного возвысим (лат.).

LIBERTÀ *

КАМЕРА IV-БИС
(Королевская тюрьма в Генуе)

Lasciate ogn...¹
Данте

Меня ты приютила...
Хоть я тебе чужой,
Ты, гордая, открыла
Объятья предо мной;
Сорвал с меня оковы
Злой евнух, чтоб швырнуть
К тебе — вот узник новый! —
На царственную грудь.

Венерою, чье тело
Сверкает белизной,
Неведомой и белой
Встаешь ты предо мной.
Ты мрака порожденье,
Где слезы льют, скорбя...
А я в уединенье
Пел только для тебя.

* Свобода (ит.). Это слово начертано на фронтоне генуэзской тюрьмы. (Примеч. автора.)

¹ Оставьте все (надежды) (ит.).

Все горести — на свалку!
Печали все — на дно!
Ливрею прочь — не жалко! —
С рубашкой заодно.
С твоюю наготою
Всем телом слился я...
Открылась предо мною
Вся девственность твоя.

Ни солнца, адской птицы,
Ни синей высоты!
Железные ресницы
Не поднимаешь ты.
И в целом мире выше
Нет верности твоей,
И это ложе в нише —
Могила всех страстей.

Тревоги ожиданья
Не лют нам в сердце яд,
И, голуби свиданья,
Жандармы не парят.
Хранит нас от измены
Сам Цербер-Купидон...
Вокруг — глухие стены.
Свобода, здесь твой трон!

Безумные надежды
Задушены тайком,
И жизнь, сменив одежды,
Застыла под замком.
Воспоминанья смолкли,
Оставшись за дверьми...
Надежна дверь — ни щелки.
Прочь, память! Не томи!

Пусть входит Муза! Право
Дано ей петь у нас;
Коль с ней тебе забава
Мила — так в добрый час!
Твоя складная койка,
И замкнутая дверь,
И Муза — чем не тройка?
Нет! Троица теперь.

Ни грязных рук швейцара,
Ни рук друзей... Где низ?
Где верх? Я вам не пара!
Зовусь: Четыре-Бис.
Вдали от той пустыни
Людской, где смертным жить,
Могу в тюрьме я ныне
От вечности вкусить.

Тюрьма — завоеванье
Поэта: здесь царем
Он станет при желанье;
Для мудреца здесь дом,
Колодец истин вечных,
Сосуд, где неспроста
Мгновений быстротечных
Хранится чистота.

В своем уединенье
Один ты. Боль твоя
Блаженна: в ней ни тени
Притворства... Вот края,
Где каждый день — воскресный,
И где познаешь ты
В своей темнице тесной
Свет правды и мечты.

И так до дня, покуда
Не будет завершен
Мой срок и я отсюда
Не буду изгнан вон,
Оставил в заточенье
Тот редкостный цветок,
Что в день его рожденья
Свободой я нарек.

Ну что ж! Свой вид суровый
Прими опять и скрой
Под маской лик, чтоб снова
Стать для глупца тюрьмой.
Пусть тот, кто горбит плечи
И низок был во всем,
С тобой боится встречи,
С надменным божеством.

ИДАЛЬГО

В них столько гордости!.. Как в блохах...

Чемоданы

Подхватят ваши вмиг. А с виду донжуаны.
Хоть пахнут дурно, но... героями глядят;
Подонки дерзкие — чуту рыцарский обряд.
Хватают, не спросясь,— но каковы манеры!
И требуют на чай,— однако с чувством меры.
Один такой «герой» раз повстречался мне.
Он попрошайничал, гарцуя на коне.

Тащился я пешком с подругой. Солнце лило
На трещины дорог испанские белила.
Как вдруг верхом ко мне галопом скачет Сид.
Прижав меня к стене, «Сеньор,— он говорит,—
Я частью вам клянусь: мне как бальзам на рану,
Хотя б один обол. Я на колени встану...»
(А конь тем временем жует мой воротник.)
...«Бедняга! Видите, он полюбил вас вмиг». —
— С дороги прочь! — «О нет! Сеньор, не будьте
строги:

Сигару докурить хоть дайте...» —
Прочь с дороги!

(Своей босой ногой он лезет мне в карман.)
«Сеньор, я инвалид, страдающий от ран».
— Вот грош тебе! — «Сеньор, спасибо.

Вы на диво

Шедры... Ах, кажется, я преградил вам путь!
Сеньора, мой поклон за то, что так красива,
За то, что на меня изволила взглянуть».

ПАРИЯ

Пусть радует республик воздух
Людей свободных — в кандалах;
Пусть хорошо им в тесных гнездах,
Я не такой. Я тощий птах.

Осколена душа моя.
Средь неподвижности безводной
Что мне свобода их? Ведь я
Всегда один. Всегда свободный.

Мое отчество — повсюду.
Кругла планета, и не буду
Конца я видеть пред собой.
Там, где нога моя ступает,
Где я стою, там возникает
Отчизна под моей пятой.

А если я прилег на ложе,
То там моя отчизна тоже,
Где мучаю в объятьях я
Возникшую из ночи душной
Жену, что, как и я, бездушна,
Жену, что нету у меня.

В мечту бесплотную, пустую
Я превратил свой идеал,
И я о родине тоскую,
О той, которой не видал.

Пусть держится дороги строго
Баранье стадо,— путь иной
Избрал я, и моя дорога
Повсюду следует за мной.

Мой флаг трепещет под короной
Небес, и ветер опьяненный
Мне треплет волосы опять.
Неважно, на каком наречье:
Со мной заговорят при встрече:
Коль захочу, могу смолчать.

И мысль моя — как дуновенье,
Как воздух. Он повсюду мой.
И словно эхо, словно тени
Мои слова: то звук пустой.

Мое былое — то, что ныне
Забыл я. И в моей пустыне
Я сам встречаю свой приход.
Миг настоящий? Мимо, мимо!
Воспоминанья? След незримый!
Грядущее? То, что грядет.

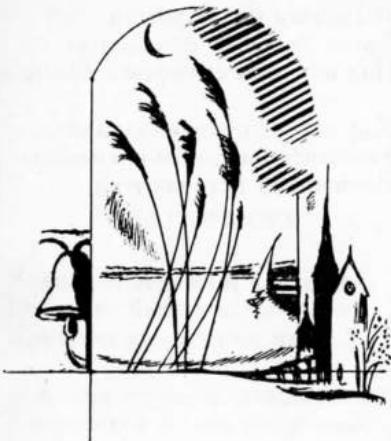
Себе подобных я не знаю.
Я тот, кто создал сам себя.
Любви и злобы не питаю
К себе. Мое отвратно Я.

Жизнь — девка. Завладела мною
Из прихоти, и раз я жив,
Хочу пустить ее с сумою,
С ней без желанья согревшив.

При чем тут боги? Я случайно
На свет рожден. Да! Видно, так...

А если я кажусь им тайной,
Открыть ее — для них пустяк.

Когда ж глаза мои сомкнутся,
Передо мною распахнутся
Ворота родины моей.
Она в земле, где места хватит
Для савана, хоть это платье
Не нужно для моих костей.



АРМОР¹

СКВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Песок мертвящий... Набегает
Волна, чтоб тишину толочь.
Болото, где луна глотает
Червей и коротает ночь.

Чумная тишина, где лихорадки
Таятся. Лешему невмочь.
Трава дурная. Без оглядки
Маг-заяц убегает прочь.

¹ Кельтское название Бретани.

А Прачка белая уныло
Белье умерших разложила
Под волчьим солнцем... Жабы в ряд,

Как певчие судьбы-злодейки,
Усевшись на грибы-скамейки,
Зловонный источают яд.

НАТЮРМОРТ

Услышав перезвон зловещий,
Во мраке бьется и трепещет
Кукушка на стенных часах.

И пламя от свечи зажженной
Колышется в сове бессонной,
Пылая у нее в глазах.

Смолк сыр в лесу. А на дороге
Скрип раздается. Это дороги
Костлявой смерти. Мгла кругом.

Ворона кружится над крышей
Того, кто жил здесь. Он не дышит.
И завтра свой покинет дом.

БОГАЧ ИЗ БРЕТАНИ

O fortunatos nimium, sua si...¹
Вергилий

В Бретани есть богач: один бродяга нищий.
Что городская голь! Ни трав, ни родника...
Философ странствующий, рад он скучной пище,
И корка черствая на вкус его сладка.
А хлеба нет — ну что ж! Он знает хлев,
где можно
Немного сена взять, улечься осторожно
На землю, и уснуть, и хлеб во сне жевать;
Зевая, утром встать и с богом толковать:
«Насущный дай нам хлеб»... Всегда надежды
привкус
Есть в голоде его; какой бы ни был искус,
Он знает: там, вверху, не дремлет некий глаз,
Что манну ниспоспал в пустыню как-то раз,
И хлеба ниспошлет...
К селению шагая,
Он знает: перед ним открыта дверь любая —
Добро пожаловать! И вот он входит в дом,
Чтоб трубку раскурить, взяв уголь, а потом
Присесть... Была б еда — с ним рады
поделиться.
Он оживляется, заглядывает в лица,

¹ Как счастлив был бы (деревенский житель, если бы он знал о своем счастье) (лат.).

Бормочет «Отче наш» и, отдохнув чуть-чуть,
«До завтра», — говорит и дальше держит путь.
Больших дворовых псов он гладит без опаски:
Они с ним ласковы... Ну, а другие ласки
Он знает? Может быть. Ведь с ним наедине
Могли и женщины быть ласковы вполне...
Бедняк — не беден он, что редко встретишь ныне;
Живет он как рантье, хоть ренты нет в помине;
Когда один — поет, чтобы скуку заглушить.
Работать? Для чего? И так ведь можно жить!
На этом он стоит, не ведая сомненья
И герб мистический храня от загрязненья.
Он близок к святости, и, видно, потому
Близ очагов любых есть место и ему.
Немало знает он историй, от которых —
Мурашки по спине, ночной пугает шорох,
Поскольку в ландах он бродил и видел сам,
Как привидения во мгле плясали там.

Он духом нищ? Ну что ж! Блаженны те,
кто ниши.
Траву целебную он при луне отыщет.
Так значит, он колдун? И может сглазить вдруг
Того, кто не спешил дверь отворить на стук?
Нет! Счастье приносить ему куда милее,
Сосватать жениха, чтоб свадьбу поскорее
Сыграли, а его позвали бы на пир
За ради господа, за то, что нищ и сир:
Пусть радуется бог, когда пьянее Ноя
В канаве спит Бедняк до наступленья зноя.
Когда б он говорил, как некогда Вергилий,
Делиль и прочие его б переводили:
«Энай счастье он свое — счастливей
не сыскать...»

Он знает, господа. Не стоит хлопотать.

СВЯТОЙ ТЮПЭТЮ

В Леоне есть маленькая часовня святого Тюпэтю, (тю-пэ-тио по-бретонски — так или иначе).

Верующие — христиане-фаталисты — раз в году совершают туда паломничество, надеясь с помощью святого добиться благополучной развязки какого-либо сложного дела: избавления от цепкой болезни; или чтобы он помог отелиться корове; или, по крайней мере, чтобы получить хоть какой-нибудь знак, по которому можно узнать грядущее — в духе того, что написано вверху: «Раз это должно случиться, то так и случится... так или иначе.— Тю-пэ-тио».

Оракул функционирует во время большой мессы: служитель для каждого желающего пускает в ход «Колесо удачи», большой деревянный круг, прикрепленный к своду и приводимый в движение длинной веревкой, конец которой сам Тюпэтю держит в своей гранитной руке. Колесо, снабженное колокольчиками, звеня, начинает вращаться. Место его остановки указывает на решение судьбы,— так или иначе.

И каждый уходит с тем, с чем пришел, чтобы вернуться в следующем году. Тюпэтю, в конечном итоге, достигает фатально своего результата.

Есть один святой в Бретани,
Тюпэтю зовется он;
Как готическое зданье,
Тонок он и заострен.

Колокольня у святого
Наклонилась, трепеща.
Очень нужно для такого
Больше веры и плюща.

А в часовню входят люди:
Дверь открыта... Морща лбы,
Щупают святого: будет
Или нет яйцо судьбы?

Он сильнее Кюкюньяна,
Кюнегонды,— всех святых;
Бедняков пророк, он рьяно
Обнадеживает их.

Чтобы Колесо удачи
Он крутил,— плати пять су,
И святой решит задачу:
Наверху ты иль внизу.

Колесо его — что надо:
Бубенцы вокруг звенят;
А ему их звон отрада,
Старый плут их слышать рад.

Колокольчик Провиденья
Или дудочка Судьбы,
Хоть твое фальшиво пенье,
Ты надежда голытьбы.

Тю-пэ-тио! И так и этак.
Тю-пэ-тио! Играть иль нет?
Тю-пэ-тио! Куда как меток
Козырной, святой валет!

Банк сорвать иль есть объедки?
Тюпэтю, кружи сильней!
Ведь мистической рулетки
Ты крупье и чудодей.

Тю-пэ-ти! Бугры и ямы...
Тю-пэ-ти! Скачи иль стой.
Тюпэтио — старик упрямый,
Справедливейший святой!

Смелый лекарь, ты болящих
Заставляешь поспешить:
Иль зажмуриться — и в ящик,
Или жить и не тужить.

Янус, хоть и невеликий,
Мясо с рыбой пополам,
Тюпэтио — старик двуликий,
Тюпэтио — свидетель драм.

Да иль нет? Орел иль решка?
Что девицам ты сулишь?
Ждут они. И ты, помешкав,
«Тю-пэ-ти», — им говоришь.

ЯРМАРОЧНАЯ СКАЗИТЕЛЬНИЦА И ПАЛОМНИЧЕСТВО К СВЯТОЙ АННЕ

(Фрагменты)

Ля Палюд, 27 августа,
День паломничества

Бесплодный берег океана.
Все голо — как морская гладь.
В часовне ждет Святая Анна,
Чтоб утешать и ободрять.

Она добра, святая эта,
И внуком Иисус ей был;
Теперь она в парчу одета,
А деревянный торс подгнил.

С ней рядом маленькая Дева
Сидит с веретеном своим;
Иосиф скромный в угол слева
Забился: свят он, но не чтим.

Паломники... По травам тощим
Они шагают. Шум и гам.
Святая Анна — радость тещам
И утешение мужьям.

Из всех приходов, без оглядки,
Из Плугастеля, Лок-Тюди,
Идут, чтоб здесь разбить палатки:
Три дня, три ночи впереди.

Три странных дня, три ночи странных,
Так повелось уж с давних пор,
Хор ангельский и песня пьяных
В один сливаться будут хор.

Но вот пронзительная нота,
Трепещущий под ветром звук
Возник. И блеющее что-то
Чистилище притихло вдруг.

В толпе подобье человека
Стоит и воет у креста...
На юбке — грязь. Запало веко:
Глазница мертвая пуста.

Кто это? Ярмарок рапсоды
Сродни ей: за один лиар
В их песнях страсти, и невзгоды,
И Вечный Жид, и Абеляр.

И длинные, как день без хлеба,
Как стоны голода в ночи,
Те песни под открытым небом
Вслед за собой она влечит.

Поет, как дышит,— словно птица,
Но нет ни перьев, ни гнезда;
Близ каменных крестов кружится,
Влечет инстинкт ее всегда.

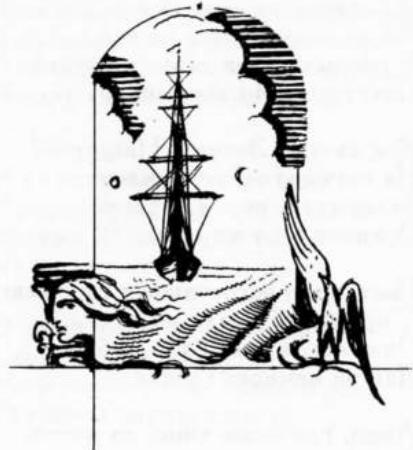
И может думать, и немного
Порою может говорить,
И вечно перед ней дорога,
А есть два су — спешит пропить.

Да, женщина она! И юбка
Висит лохмотьями на ней,
В гнилых зубах зажата трубка
Потухшая. Но так теплей.

Как звать? Зовется Нищетою!
На свет случайно рождена,
Бездомная, порой глухою
Покинет этот мир она.

Поэт, коль встретишься ты с нею,
С бредущей вдаль издалека,—
Она сестра нам, будь добре:
Дай ей немного табака.

Лицо, где кожа лишь да кости,
Вдруг озарит улыбки свет,
И бледная рука в коросте
Благословит тебя, поэт.



ЛЮДИ МОРЯ

* * *

Не бороздил я океана,
Как господа из Орлеана,
В Улиссов превратившись вмиг.
Атлантику на пароходе
Не перескакивал я вроде
Певиц из Оперá-комик.

Но колыбель моя подобна
Была гнезду той птицы водной,
Что в нем качалась на волнах.
Гамак мне был любовным ложем,

И буду я в мешок положен,
И под водой мой сгинет прах.

Моряк — я чувствую собрата
Не хуже, чем Калло когда-то
Свой чуял персонаж чудной.
Вперед же, мой матрос нескладный!
И вместе с Музой ненарядной
Вперед, шедевр кабацкий мой!

ГОРБУН БИТОР*

(Фрагмент)

На судне небольшом он был последним в списке.
Четвертым был. Служил, не думая о риске...
Был горд, что он моряк, и не жалел притом,
Что юнгу заменял, и коком был, и псом;
Лет сорок прослужив, не очень удивлялся,
Что новобранцем он по-прежнему считался.

Горбун, он скрючен был и очень был хитер,
Однако не был он лишен авторитета,
Затем что горбуны, как всем известно это,
Приносят на море удачу с давних пор.

Битор — так звался он. Вот имя бурь и боен!
Он всем рассказывал, что в юности был строен,
Но с кораблем своим весь изувечен был:
Землетрясение он в Чили пережил.

Шар солнца утонул. Ночь близится. В порту
Корабль, привязанный к причалу, в темноту
И в сновидения плывет, а за кормою
Чуть плещется вода, став словно неживою.
Среди зрачков смолы, что светятся и кружат,
Все небо кажется одной огромной лужей.

* Битор — сплетенный вдвое корабельный канат,
пропитанный смолою. (Примеч. автора.)

На пристани, где днем кишмя кишел хаос,
Затишье полное... Лишь молодой матрос,
Веселый паренек, охваченный хандрою,
О родине своей поет ночной порою,
И лай прерывистый напеву вторит вдруг:
То вахту пес несет, команды верный друг,
Забытый на корме...

Сошли на берег люди.
Матросы разбрелись и будут полной грудью
Вдыхать портовый чад, горланить, бить,
любить...
Тяжелый труд дневной пришла пора забыть.
Прислушайтесь: вдали, где путь и глух и тесен,
На улочках ночных звучат обрывки песен.

Что ж, пойте! Коротка и сплетена забавно
Жизнь человеческая... Погуляем славно!
Игра с девчонкою или игра с ножом...
Воркуйте, голубки... Сейчас или потом.

Нет, лучше уж сейчас... Все сливки снять,
где можно,
Найти приятеля в канаве придорожной
И в порт его тащить... Он победил и спит
И весь в крови... Вот так традиция велит.

Однако и Битор, оставшийся один,
Доволен: корабля он страж и господин.
Порой вечернею он, как мудрец иль кошка,
То дремлет на корме, то, поворчав немножко,
Скребется за ухом мохнатою рукой;
Без мыслей в голове, он погружен в покой;
От лени весь размяк, ничто его не манит,
И разноцветные глаза его — в тумане.
Когда поглаживает горб его шутник,

Он улыбается, он к этому привык.

Но прихоть тайная бывает у любого.
Была и у него: в день своего святого
Удариться в загул, и это как приказ
Всевышнего... В году всего один лишь раз...
В день этот, к вечеру, он словно бы срывался
С незримой привязи, и кто-то удивлялся:
«Смотри, Битор исчез». — «На шабаше опять:
Две ночи, как всегда, он будет пропадать».
«Должно быть, он колдун». — «Нет, трудно
разобраться...»

И даже смех смолкал: чего уж тут смеяться.

Две ночи отгуляв, он возвращался в порт;
Нетвердо на ногах держался и, за борт
Цепляясь, мрачно брел на кухню, но при этом
Молитву бормотал. Затем, по всем приметам,
Бросал в огонь башмак и вслед за ним другой.
Зачем, никто не знал. Битор был сам не свой.
Лицо заплакано... Душевное крушенье...
Как в древности седой, дым жертвоприношенья...

Все было кончено. Мрачнее чем всегда,
Он вновь свой плел канат невзгоды и труда.

ПИСЬМО ИЗ МЕКСИКИ

Вера Крус, 10 февраля

Вы поручили мне его, когда мы в путь
Пускались. Мальчик мертв. Команды нет
в помине.
Такая уж судьба. И неизвестно ныне,
Из нас вернется ль кто-нибудь?

«Матрос — вот ремесло! Нет лучшего на свете
Для настоящего мужчины» — так твердят
На берегу... Претят мне разговоры эти:
Попробуешь — не будешь рад.

Пишу и плачу сам, хоть я моряк бывалый.
Да я бы головы не пожалел своей,
Чтоб сына вам вернуть. Нет, виноват я мало:
Смерть всяких доводов сильней.

А лихорадка здесь стучится в дверь бесстыдно.
Идешь на кладбище свой получить паек.
Сказал один зуав,— он из Парижа, видно,—
«Отдохновенья уголок».

Как мухи люди мрут, и молодой, и старый...
Найдя в его мешке, храню я с той поры
Какой-то девушки портрет и туфель пару
С пометкой: «Для моей сестры».

Велел он матери сказать, что помолился,
Отцу — что пасть в бою он больше бы рад.
Два ангела над ним склонялись,—
он томился! —
Один матрос. Другой солдат.

ЮНГА

— Кто, юнга, твой отец? — На свете
Уж нет его. Он был рыбак.
Уплыл однажды на рассвете
И сгинул в море. Вот ведь как.

У матери остались дети.
Два малыша. Запас иссяк.
Теперь уж я за них в ответе:
Нельзя без хлеба им никак.

— Скажи, хоть что-нибудь вернули
На берег волны после бури?
— Футляр от трубки и башмак.

Мать плачет все. Не свыкалась с горем.
А я... я покватаюсь с морем:
Как только подрасту — моряк!

СТАРЫЙ РОСКОФ

(Колыбельная в Норд-Вест Миноре)

Гнездо пиратское! Нора
Корсара! В неуемных шквалах
Ты сном гранитным до утра
Спишь на сырых своих подвалах.

Ты спиши под бризом, как при штиле,
Твой длинный рог туманы скрыли,
У ног твоих — прибоев след.
Спи! Вправе он теперь закрыться,
Твой глаз кривого, что косится
На англичан три сотни лет.

Спи, старый остов на приколе!
Бакланы, эти барды бурь,
Когда начнет светлеть лазурь,
Тебе споют о дикой воле.

Матросов старая любовь,
Спи! Опьянить не сможет вновь
Тебя прибой, чей пояс пышный
Сверкал в ночах твоих хмельных,
В ночах кровавых, огневых...
Спи! Эвона золота не слышно.

Где имена парней лихих,
Искавших славы непреклонно?

Безумно море... Слава их —
Плевок из пасти мушкетона.

Где флаги, что со всех сторон?
Твой рвали в клочья небосклон?
На дюнах спиши ты, и свинцово
Нависло небо. Ядер вой
Над колокольнею немой
Не будет раздаваться снова.

Спи! Чуть слышны в лачугах вздохи
Твоих детей, их сны легки:
Вздыхают юнги-старики,
Осколки сказочной эпохи.

И, вся луной изъязвлена,
Чугунная спит пушка тоже;
Тяжелым, ржавым сном она
Спит в рытвине, на брюхе лежа.

Ну что же, спи! И на ветру
Храпи, нацелив пасть свирепо
На англичан... Обвил нелепо
Тебя морской камыш в цвету.

ТАМОЖЕННИК

Элегия в память таможенников,
береговых стражей, чья служба
упразднена 30 ноября 1869 года

Все только и твердят: «Так правда выгоняют
Тебя нетронутым я сохранию в стихах.

твой прах.
Нет! Как убитых птиц соломой набивают,
Тебя нетронутым я сохранию в стихах.
Подобно водоросли, вложенной в гербарий,
Ты здесь останешься, с моей рифмой в паре.

Страж-ангел, брызгами покрытый,
Хранитель скал с их белой свитой,
Седая птица, что парит
Без крыльев и без ореола
Над берегами, где все голо,
Над морем, где гроза гремит.

Люблю, мой скромник земноводный,
Твое лицо, что мне в ответ
Цветет улыбкой бесподобной,
Когда я говорю «Привет!».
И твой ответ, лишенный лоска,
Люблю: в твоем желудке он
Рокочет, спиртом прополоскан,
Табачным соком продублен.
Люблю увидеть ненароком

Тебя на скалах поутру,
Где ты в раздумии глубоком
Сидишь, как чайка на ветру.

Вдали от суетности мира,
Контрабандистов позабыв,
Ты, о нашивках бригадира
Мечтая, смотришь на прилив.

Потом: щепотка из кисета,
Взгляд полусонный на прибой,
Потом: припомнив то иль это,
Пофилософствовать порой...

А в ночь, когда порывы шквала
Мнут водной глади покрывало
И скалы ухают в ответ,
Вдруг трубы огненная точка
Сверкнет во мраке... Ну и ночка!
Кто там? Таможенник? Привет!

Однажды видел я, как ты разбушевался:
Под яростной ладонью стол качался,
Листы бумаги прыгали на нем,
Чернила брызгами с пера слетали
И, вспыхивая, молнии сверкали
В очках зеленых на носу твоем.

На двух сынов коварных Альбиона
Ты протокол подробный составлял:
«Пустой бочонок... Нарушение закона...»
Я строил фразы, ты их поправлял.

Таможенник! Как сон была тех дней отрада.
Права на пенсию? Но доказать их надо!

— Прощайте, бригадир, исчезнуть вам пора...
Не нужно горизонт ощупывать с утра,
На солнце греться днем, курить, на звезды

И в дюнах кроликов подстерегать в засаде...
Все кончено... Ты стар. Удел твой предрешен:
Воспоминания, глоток спиртного, сон.

Из моды вышедший, уйди! Пора проститься.
Тебе уж не гореть, а трубке не дымиться,
Вы оба гаснете в потоке дней и лет...
Таможня умерла: товаров больше нет.

Так без росы цветок, какой-нибудь барвинок,
К земле склоняется средь высохших былинок;
Без контрабанды так трагически поблек
Твой темно-синий плащ, береговой цветок.

Что уготовано отныне нам судьбою?
Тоску и скуку дней делить с самим собою?
Кто, словно маятник, здесь будет взад-вперед
Ходить? Скажи, поэт, ну кто тебя поймет,
Как не таможенник? Чтоб вновь он был
на страже,
Я контрабандист готов заняться даже.

Нет! Упразднили пост... Так что тебе осталось?
Вручить правительству души своей усталость,
И протоколы все,— весь этот ворох слов,—
И саблю, и твой шик... И грусть моих стихов.

глядя,

МОРСКОЙ МАРОДЕР

Да если я соврал — подохнуть мне!

Я видел, видел как во сне
Святую деву Урагана,
Которая во мгле тумана
Фрегат на вздыбленной волне
Гнала к лагунам Керлуана
Для бедняков, подобных мне.

Судьба таится в море. Ветер стонет,
Кричат бакланы осенью глухой...
Я чувствую, когда корабль потонет,
Я слышу, как смятенье тучу гонит,
Я вижу сквозь туман и мрак ночной.

Нужна мне буря в океане.
Я птица рыжая беды.
Таможенникам за молчанье
Я заплачу, как за труды.
Никто не должен быть со мною
У скал, обглоданных волною.
Я птица рыжая беды.

Шквал, словно дьявол,
жаждет крови.
В барашках черная вода.
Ревут валы — мои стада...
А я пастух. Я наготове.

Я хохочу. Ад похотью объят.
Под свист ветров скачите очумело,
Вы, черные быки, вы, в пене белой
Кобылы волн! Я этой пene рад.
Я хохочу. Ад похотью объят.

Был спрут отец мой, мать — акула.
Однажды ночью вдруг — набат.
Родителей как ветром сдуло:
На берег! Быстро! Там фрегат!
Под гул волны, не слыша гула,
Они обчистили фрегат.

Но умерла давно акула,
И спрут последним сном объят...
В раю, куда их смерть швырнула,
Не нужен больше им фрегат.

МАЯК

Не в духе солнце спать ложится...
Упершись в риф,
Стоит маяк, на мглу косится,
Глаз приоткрыл...

К нему, Приапу урагана,
Волна бежит
И лижет бешено и пьяно
Его гранит.

А он, над похотью соленой
Смеясь во мгле,
Свечою дикой, непреклонной
Прирос к скале.

И тщетно тучи, словно кони,
Вперед, назад,
Сшибаясь в яростной погоне,
Над ним гремят.

В ночи для терпящих крушенье
Сквозь рев и вой
Подъемлет он, храня терпенье,
Светильник свой.

И пусть гроза удары множит —
Не меркнет свет.

Дрожит маяк, он рухнуть может,
Согнуться — нет.

Но строки из Мюссе порою
Ему близки:
И лунной ночью он с луною
Как буква i.

В нем, наверху, живет весталка,
Огонь хранит;
Зажжет, потушит — ей не жалко,
Так долг велит.

Когда же сумрак наступает,
Маяк, как встарь,
Горит и жизнь свою вдыхает
В большой фонарь.

Он кто? Поэт? Ему про это
Знать не дано.
Философ иль глупец отпетый?
Не все ль равно!

Он в одиночестве тоскует?
Вопрос смешон!
Нет, по привычке существует
На свете он.

О, если бы ты захотела
Здесь жить со мной!
За око — зуб, за душу — тело...
Вот рай земной!

Наверх взберешься — за тобою
Я тоже ввысь;

Внизу я буду — ты за мною
Вниз устремись.

Возносится маяк трубою,
И там в огне
Бродить назначено судьбою
Тебе и мне.

Такой прочистки небывалой
Трубы своей
Маяк не выдержит, пожалуй,
И рухнет с ней.

КОНЕЦ

О, сколько было их! Матросы, капитаны,
Что плыли весело в неведомые страны,
За сумрачной чертой исчезли навсегда...
В. Гюго. «Ocean poх»

Да! Эти моряки — матросы, капитаны —
Навек поглощены пучиной морской...
Беспечно в дальние они уплыли страны,
Но так же встретили и час последний свой.

Что ж! Это ремесло такое. Умирали
В плаще и в сапогах... С морской водой мешали
Свой бужарон *... А смерть... Не все пред ней
равны.

Пусть с вами спит она, пусть будет вам
женою,—
Они же целиком поглощены волню
Иль шквалом сметены.

Шквал... Разве это смерть? То паруса зловеще
Бьют по воде, что вдруг им преграждает путь.
Удар свинцовый. Треск. По волнам мачта
хлещет.
И называется все это так: тонуть.

Тонуть... Постигли смысл? Смерть ваша будет
бледной
В сравненье с бурею, трубящей в рог победный,

* Бужарон — порция водки. (Примеч. автора.)

В сравненье с горькою улыбкой моряка,
Что борется с волной... Простерлась мгла
над ними...
Смерть — это просто смерч: лишь изменила имя
Она слегка.

Утопленники? Нет! Те в пресных водах тонут.
А эти — вплоть до юнг — идут в бездонный
омут,
И на устах у них проклятье, а не стон;
И как плевок в лицо — предсмертный хрип;
и с пеной
Настой соленый пьют, как пили свой отменный
Матросский бужарон.

Ни крыс кладбищенских, ни холмиков
с крестами...
Там их акулы ждут... Матросская душа
Не в клубнях и корнях — слилась она с волнами,
В любой из них дыша.

Смотри: колышется поверхность океана,
Как похотью снедаемый живот
Продажной женщины, наполовину пьяной...
Но ты не видишь их во мгле соленых вод.

Ты слышишь рев глухой? То буря в океане.
То годовщина их, что длится круглый год.
Оставь же при себе, поэт, свои стенанья:
Им ураган отходный поет.

Пусть в девственный простор уносит их теченье,
Зеленых и нагих...
Ни гроба, ни свечей, ни слез, ни песнопений...
Земные высокочки, вам дела нет до них!



РОНДЕЛИ НА ПОТОМ

ПОСМЕРТНЫЙ СОНЕТ

Спи! Вот твоя постель. И позабудь о нашей.
Кто спит — обедает. Получишь сена клок.
Спи! Будешь ты любим. Кто дальше,
Всего милее тот, кто более далек.

Спи! Назовут тебя, когда сгустятся тени,
Молотобойцем звезд, наездником лучей...
А в сумраке ночном паук свое плетенье
Начнет развешивать над головой твоей.

Враг всяких покрыва! Ждет поцелуй,
быть может,
Тебя под саваном... О, хохочи до слез!
Ведь почести тебя там ожидают тоже...

Удар кадильницы тебе расквасит нос,
Запахнет ладаном и будет краснорожий
Доволен пономарь... тот, что удар нанес.

РОНДЕЛЬ

Спи, похититель искр: уже совсем стемнело.
Нет ни ночных, ни дневных, сливаются года.
Спи в ожиданье тех, чьи губы то и дело
Твердили: никогда! Твердили: навсегда!

Ты слышишь их шаги? Уходят кто куда.
Есть крылья у любви: вспорхнет и улетела.
Спи, похититель искр: уже совсем стемнело.

Ты слышишь голоса? Или журчит вода?
Спи! Иммортей груз не тягостен для тела.
Глух подземелья мрак, и не придут сюда
Медведи верные с их дружбой неумелой...
Спи, похититель искр: уже совсем стемнело.

СПИ, ДИТЯ, СПИ

Buona vespre! Спи... Свечи огарок
Поставили и удалились прочь.
Скажи, дитя: не страшно в эту ночь
Быть одному под сенью черных арок?

Не бойся тех, кто не терпел помарок:
Ты сном сокрыт — им сна не превозмочь.
Buona sera! Спи... Свечи огарок

Навек потух. Он был совсем неярок.
Колышет ветер, улетая прочь,
Нить паутины, осени подарок.
Твой проклят кров: здесь пошлости
невмочь.
Buona notte!¹ И свечи огарок...

¹ Buona vespre, buona sera, buona notte — спокойной
ночи, прощайте (ит.).

СВИРЕЛЬ

Спи, призванный подковывать цикад!
Тебя укроют сорною травою,
И запоют цикады над тобою,
Цимбалами своими зазвенят.

В слезах росы проснется утром сад,
И ландыш засверкает белизною...
Спи, призванный подковывать цикад.

Порывы ветра с плачем пролетят...

Склонится Муза над травой густою
И с губ твоих, покрытых чернотою,
Сорвет слова, не знавшие преград...
Спи, призванный подковывать цикад.

ПОКОЙНИК СМЕХУ РАДИ

Поторопись, о брадобрей комет!
Твою шевелюрой станут травы,
И огонек блуждающий, лукавый
Из глаз твоих взлетит, роняя свет.

Могильными цветами весь одет
Твой будет смех... И странно-величавы,
Забудут незабудки твой расцвет.

Будь легким: гроб, в котором спит поэт,
Всего лишь для могильщиков забава...
Тебя сочтут покойником, но, право,
У буржуа совсем рассудка нет...
Поторопись, о брадобрей комет!

ОТДЕЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ



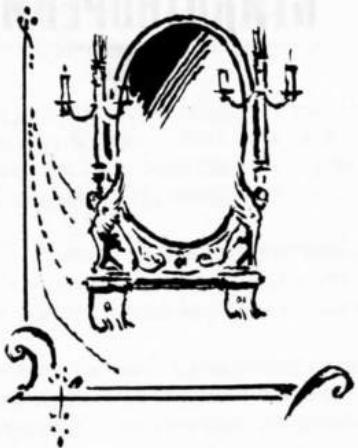
ДУРНОЙ ЦВЕТОК

Дурной цветок сюда вернется снова.
Его расцвет всегда в былых годах.
Он на костях, в открытых он сердцах
Посеян ветром... На него, дурного,

Плюют... И подражать ему готовы,
Чтоб в людях осторожных вызвать страх...
Дурной цветок сюда вернется снова.

Не бойтесь, тыквы! Скованное слово
Его анафем вас не втопчет в прах.
Всех мертвцев он помнит, он заchaх,
Но он любим, карающий сурово—
Дурной цветок, цветок лишенных крова...

Дурной цветок сюда вернется снова.



ОТДЕЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ВАРИАНТ ЭПИТАФИИ

Из всякой всячины настой:
Богатство — и карман пустой,
Напористость — и слабосилье,
Свобода — но подбиты крылья,
Душевность — только нет души,
Друзья — нет спутника в глухи,
Идеи — но не в цель, а мимо,
Любовь — однако нет любимой,
Безделье — а покоя нет,

Достоинства — и все во вред...
Душой пресытясь — голодал он,
Мертвеец — по-прежнему страдал он,
Живой — был жизнью не согрет,
Не верил в свой счастливый номер
И все удачу сторожил...
Он в ожиданье жизни помер
И, ожидая смерти, жил.

СОНЕТ

Я напишу сонет; в мундир одену строки,
Чтоб в ногу шли они, вперед, за рядом ряд.
В линейку лист возьму и, не боясь мороки,
Там выстрою стихи, игрушечных солдат.

Я напишу сонет... Когда-то, в день далекий,
Костяшки домино клал в ряд я наугад;
Я вдоль аллей бродил, где в солнечном потоке
Все вязы цинковыми выглядеть хотят.

Я напишу сонет. И чтоб далась победа,
На помошь мне приди, о муза Архимеда:
Душа сонета — счет, и в этом весь секрет.

Один, два, три, и вот... 4 плюс 4.
А после 3 плюс 3... Пегас, о вольной шире
Забудь... Звон лиры! Жуть! О хватит!

Есть сонет.

НАДПИСЬ ПОД АВТОПОРТРЕТОМ КОРБЬЕРА
(в красках, датирован 1868 годом)

Философ, плывший наугад,
Поэт, чье сердце не на месте,
Я сам не свой. Сказать по чести,
Не рад я жизни. Нет, не рад.

Любовь? Я так о ней мечтал!
Распахнутое настежь сердце
Колотится, как створки дверцы,
Когда их сотрясает шквал.
Кто бросится сюда? ОНА? Нет, здесь опасно.
Иди же, сердце, спать! Не колотись напрасно.

Во имя женщины хотел бы жизнь отдать я,
Открыться перед ней, открыв свои объятья
И душу, где бурлит чувств огненных родник.

Тогда бы я запел (фальшиво, как обычно)
И встретил бы один, в своей постели личной,
Смерть, сон, небытие... иль пробужденья миг.

Когда бы я понят был, на самую лишь малость,
Когда бы женщина, испытывая жалость,
Мне улыбнулась вдруг, «Ты ангел!» —
я б вскричал.

И сумасшедшую ее бы посчитал.

Я жизнью обделен... А что это такое,
Известно вам? Так вот, взгляните на меня!
Противен сам себе, всем чужд, лишен покоя
И не лишен ума, хотя безумен я.

Так, значит, смерти ждать? Коварна эта дама:
Сперва кокетлива, а после холодна.
Бесчувственный с ней спит... А впрочем,
скажем прямо:
Нет смерти! Есть Ничто, где ни конца, ни дна.

О, я хотел бы стать той мертвой частицей,
Которой суждено в ночи пространств
кружиться,—
Мне эта участь не дана.

Хотел бы стать я псом: псом женщины
продажной,
Чтоб непродажных ласк изведать благодать,
Или безумцем стать, когда и где — неважно!
Но до конца дойти, но до конца им стать.

ОТРЕПЕТИРОВАННАЯ СМЕРТЬ

Он был почти поэт, почти
Художник был он, и, к безлюдью
Стремясь, дышал он полной грудью
На непроторенном пути.

Затем судьбы коловращенье
Ему внущило отвращенье;
Не зная, что бы предпринять,
Он в баккара решил сыграть

Со смертью... Проигрался... Точку
Пора поставить. Но, решив
В деревне жить, покуда жив,
Он на три месяца отсрочку

У смерти взял... Как двадцать лет,
Три месяца! И он, поверьте,
Не думал плакать: солнца свет
Позолотит пилюлю смерти.

Все дни слонялся он и что-то
Обдумывал... Взлететь он мог,
Поскольку лишь один прыжок
Был должен сделать для полета.

И если не имел он мыла
Такого, чтобы все отмыть,
В конце концов ему б хватило
Лишь дуновенья, чтобы взмыть.

Последним занят туалетом,
Он элегантность сохранял:
Надев перчатки, жизнь терял,
Смерть аккуратно брал пинцетом.

Из Англии два пистолета
Он выписал себе домой:
Один для дела, а другой
Для пары (хоть дороже это).

Игрушка глупая! К тому же
От медицины что-то в ней.
Но он нашел, что так верней —
Свинец в мозгу... Бывает хуже.

И право, чтоб душа парила,
Все это ново, словно яд;
Как угли это, что горят,
Или как женщины горнило.

Тут дело вкуса и размаха,
В калиbre дело и в деньгах...
Свой пистолет он мог без страха
Три месяца вертеть в руках.

Вот самому себе подарок:
Достоинств много в нем найдешь;
Хотя металла блеск неярок,
Он в жаркую бросает дрожь.

Так все продумав до конца,
Он не хотел терять лица,
Хотел, чтоб девственное дуло
Его свечу навек задуло.

Велел он именем своим
Украсить ствол, а также эти
Слова велел на пистолете
Он начертать, и был простым
И мудрым афоризм на стали.
«Чтобы достойно умереть,
Привычку надобно иметь»,—
Гласила надпись по спирали.

Хоть это позой отдавало,
Могли б вы сами, не дрожа,
Такою позой небывалой
Себя потешить, буржуа?

Своей любовнице, не скрою,
Последний он послал привет.
Так принято, хотя порою
Любовницы в наличие нет.

И чтобы спеть могла она его посланье,
Использовал мотив он песни, чье название
«Хороший у меня табак»... Итак,

«Прочти письмо, как ты читаешь сказки,
Убив себя, я время убивал.
Прими мое наследство без опаски;
Все, что имел, тебе я завещал:

И двадцать лет моих, и двадцать франков,
И пистолеты; первый на стене
Пускай висит. Проснешься спозаранку,
Его увидишь — вспомнишь обо мне.

Второй, заряженный, в мой тесный ящик
Ты положи. И пусть в моей ночи
Будильником он будет, чей разящий
Звонок уж никогда не прозвучит.

Не смейся, если ты меня любила.
Иллюзий нет. Ты женщиной была,
Мужчиной я. Конвульсий злая сила
Твою любовь вслед за собой вела.

Что делать мне? В любовь твою поверя,
Тебя позвать на randevu опять?
Смешно до слез... Приди по крайней мере,
Когда начнут в гроб гвозди забивать».

Себя спросил он: что же станет
С душою? Лопнет, как нарыв?
Потухнет, как огонь? Увянет?
И где она, пока я жив?

Настал момент (телесное томление),
Он проглотил (глоток был мал на вид)
Крюшон из рома, как бы в подтвержденье,
Что наконец взыграл в нем аппетит.

Он в позу встал, удачную на диво
(Фотограф не придумал бы такой),
И в зеркало гляделся, чтоб красиво
Пасть на паркет с поникшей головой.

О поцелуя лед и пламя! Он губами,
Сдержав последний вздох, к стальному рту
припал.
И выстрел прозвучал, сверкнуло грозно
пламя...

Все верно рассчитал...
И что же? Не попал.

МОРАЛЬ

Вот пуля странная! А вот
След от нее... Но жить в пустыне
Не стал он. И в Париже ныне
Он контрамарки продает.

ДНЕВНОЙ ПАРИЖ

Взгляни, как медный чан сверкает в небе ярко!
То милостивый бог извечной занят варкой,
Дежурным блюдом нас он потчует, и вот
В его стряпню любовь подмешана и пот.

Ждут нищие, когда наступит их черед,
Вдыхают запахи прогорклого приварка,
Пьяничуги тоже здесь с протянутою чаркой,
Заморыш, вздрогивая, очереди ждет.

Ты думаешь, для всех жар солнца щедро жарит
Объедки жирные? Всем золото он дарит?
Нет! Капает с небес собачий суп на нас.

Одним лучи, а нам — труб водосточных жижа,
Черны у нас горшки от копоти Парижа,
А есть хотим — нас желчь питает всякий раз.

Но медом это все мне кажется подчас.

НОЧНОЙ ПАРИЖ

Не город это, это целый мир.

Здесь море... Мертвый штиль. Вдали, рыча
тоскливо,
Смолкают отзвуки великого отлива.
До самого утра не грохотать волне.
Ты слышишь? Крабы тьмы скребутся в тишине.

Здесь пересохший Стикс... Фонарь подняв
повыше,
Старьевщик Диоген на перепутье вышел.
Поэты скверные над удочкой своей
Склонились. Череп их — коробка для червей.

Здесь поле... На него, добычу собирая,
Слетается, кружась, отвратных гарпий стая.
Крольчонок сточных ям и тупиков глухих,
Завида мусорщиков, прочь бежит от них.

Здесь смерть... Патруль уснул. А у любви —
сиesta,
И на руке она ощупывает место,
Где поцелуй потух, оставив красный след.
И тщетно звать мечту: молчание в ответ.

Здесь жизнь... Прислушайся: песнь вечную
с улыбкой
Живой родник поет над головою липкой
Морского бога. Он, лишенный всех прикрас,
На койке в морге спит, не закрывая глаз.

МАЛАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ОТХОДА КО СНУ (Улыбка)

Боль для тебя легка, а радости томили,
И если боль пришла — ну что ж!
Для Музы гробовой не создают идиллий,
А в свой черед и ты уйдешь.

Пусть желчью исходил, пусть рану бередили —
Пой! Только знай: страшней, чем нож,
Идти на тротуар, чтоб в руку опустили
Любви иль отвращенья грош.

Сон — избавление. А смерть без передышки
С твоей агонией играет в кошки-мышки.
Смерть терпелива... Оглянись:

Ты в лапах бархатных, почти уже не дышишь.
Но боль — еще не смерть. Боль — это радость,
Слышишь?

Скриви свой рот и улыбнись.

ЛЮБОВЬ? НЕТ, НИКОГДА...

Любовь? Нет, никогда! Спектаклем это было,
Где, Арлекином став, я видел сквозь туман
Улыбки трещину, что врезалась в белила,
И пот, окрасившийся в цвет твоих румян.

Был терпкий вкус во рту, растрепаны прически,
И с хохотом брала ты уголь, чтоб опять
Под чернотою скрыть ресницы альбиноски
И перламутра блеск глазам своим придать.

Да! С этих алых губ я, как твоя болонка,
Помаду слизывал, а ты смеялась звонко,
Но никогда твой рот не мог кровоточить.

Штрафуют на сто су за поцелуй на сцене...
Малой свое лицо, жестокое виденье,
Затем что только грим мне суждено любить.

БАЛАГАННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ (Забытое)

Место, пожалуйста! Провинциалы
Парижа и парижане
Из Каркассона!
А ты, моя книга, на выход!
Пусть женщина
Будет страницы твои загибать.
Педант
Пусть в угол поставит тебя.
Больной
Пусть тебе улыбнется.
Останься плохою —
твои возможности это тебе
позволяют.

Профессионалам скажи,
Что ты
Всего лишь монстр артиста...
Для прочих же: семь с половиною франков.
Иди, моя книга, и не
возвращайся ко мне.

СОДЕРЖАНИЕ

M. Кудинов. О Тристане Корбье	3
из книги «ЖЕЛТАЯ ЛЮБОВЬ»	
это	
Это?	11
Париж	13
«Бастард бretонца и креолки»	13
«Под щелканье хлыста здесь жить»	14
«И я любил... Как платят мало»	15
«Здесь мир богемы... Выбрось, милый»	16
«Смеешься? Что ж! Познай сомненье»	17
Эпитафия	18

ЖЕЛТАЯ ЛЮБОВЬ

Единственное число женского рода	21
Сонет сэру Бобу	23
На пароходе	24
Удача	26
Умирающий юноша	27
Бессонница	30
Трубка поэта	32
Жаба	33
Дуэль цветов	34
Бедняга	35
Падение	36
Спокойной ночи	37
Заочно приговоренный поэт	38

СЕРЕНАДА СЕРЕНАД

Гитара	42
Вызовление	44
Крыша	46
Часы	47
Двери и окна	48

СЛУЧАЙНОСТИ

Ату его!	49
Мышка-лошадь	52
Моему псу по имени Поуп...	53
Растерянность	54
Рапсодия глухого	56
Близнецы	59
Литания сна	61
Прерванная идиллия	64
Похороны бедняка	67
Veder Napoli poi morir	69

Везувий и К°	71
Этна	72
Libertà	73
Идалго	77
Пария	78

АРМОР

Скверный пейзаж	81
Натюрморт	83
Богач из Бретани	84
Святой Тюпэтю	86
Ярмарочная сказительница и паломничество к святой Анне	89

ЛЮДИ МОРЯ

«Не бороздил я океана»	92
Горбун Битор	94
Письмо из Мексики	97
Юнга	99
Старый Роскоф	100
Таможенник	102
Морской мародер	105
Маяк	107
Конец	110

РОНДЕЛИ НА ПОТОМ

Посмертный сонет	112
Рондель	114
Спи, дитя, спи	115
Свириль	116
Покойник смеху ради	117
Дурной цветок	118

ОТДЕЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Вариант эпитафии	121
Сонет	123
Надпись под автопортретом Корбьера	124
Отрапетированная смерть	126
Дневной Париж	130
Ночной Париж	131
Малая церемония отхода ко сну	132
Любовь? Нет, никогда...	133
Балаганное представление	134

Корбье Т.

К66 Стихи/Пер. с фр., сост. и вступ. статья
М. Кудинова; Худож. В. Юрлов.— М.:
Худож. лит., 1986.— 138 с., ил.

Тристан Корбье (1845—1875) — французский поэт XIX века, известный своей антибуржуазной направленностью. В книгу включены стихотворения из его сборника «Желтая любовь», а также некоторые позднейшие произведения.

К 4703000000-157
028(01)-86 141-86

ББК 84.4Фρ